

САМЫЙ РОМАНТИЧНЫЙ ПИСАТЕЛЬ ИТАЛИИ

ФЕДЕРИКО
МОЧЧИА

ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ НЕ ХОТЕЛ
ЛЮБИТЬ

18+

РИПОЛ КЛАССИК

Человек, который не хотел любить

Федерико Моччиа

Человек, который не хотел любить

«РИПОЛ Классик»

2011

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)6-44

Моччиа Ф.

Человек, который не хотел любить / Ф. Моччиа — «РИПОЛ
Классик», 2011 — (Человек, который не хотел любить)

ISBN 978-5-386-14356-5

У Танкреди идеальная жизнь. Он владеет островом на Фиджи, виллами по всему миру. Он невероятно красив. Все женщины рано или поздно поддаются его обаянию. Но Танкреди не может забыть одну рану из прошлого, которая изменила его навсегда. Он человек, который не хочет любить. Пока не повстречает ее. София могла быть всемирно известной пианисткой, но стала простой учительницей. Один взгляд – и Танкреди понимает, что влюбился. Софию тоже привлекает прекрасный незнакомец, но у нее уже есть любовь. Сможет ли человек отказаться от страсти, не знающей границ, если она врывается в жизнь и переворачивает все с ног на голову?

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)6-44

ISBN 978-5-386-14356-5

© Моччиа Ф., 2011
© РИПОЛ Классик, 2011

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	13
Глава четвертая	15
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	28
Глава восьмая	32
Глава девятая	36
Глава десятая	39
Глава одиннадцатая	44
Глава двенадцатая	51
Глава тринадцатая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Федерико Моччия

Человек, который не хотел любить

By agreement with Pontas Literary & Film Agency.

L'uomo che non voleva amare © by Federico Moccia, 2011

© Артемьева П.И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2021

Глава первая

Ласточки низко кружили на фоне заката, то и дело пролетая над крыльцом старинного каменного дома с прочными, толстыми стенами. Внутри широкая лестница из тёмного дерева вела на верхний этаж. Из ухоженного садика дом казался нарисованным среди знаменитых холмов Ланге. Вдалеке виднелись ряды винограда сорта неббиоло, лозы которого были тёмные, словно загоревшие от жаркого летнего солнца. Танкреди бегал, кричал и хохотал вместе со своим братом Джанфилиппо. Садовник Бруно, заканчивавший обстригать живую изгородь огромными садовыми ножницами, улыбался тому, как они проносились в нескольких шагах от него то в дом, то обратно на улицу. А по воздуху разносился запах только срезанного розмарина.

Перед крыльцом между плакучими ивами стоял каменный стол, на который горничная Мария выставила свежий горячий хлеб. Этот аромат тут же разлетелся по всей лужайке: Танкреди остановил свою беготню, оторвал кусочек и сунул в рот.

– Танкреди, я же сотню раз говорила не кусочничать перед ужином! Испортишь весь аппетит!

Но он только ухмыльнулся и побежал наворачивать очередной круг по саду. Щенок золотистого ретривера, мирно свернувшийся в тени металлического стула с брошенной на него подушкой, поднялся и радостно побежал за Танкреди. Они неслись вдвоём по кустам, а вскоре и Джанфилиппо присоединился к ним.

Как раз в этот момент из дома вышла мама:

– Куда это вы? Скоро будем обедать. – Она покачала головой и вздохнула.

– Твои братья... – Она повернулась к Клодин, только что севшей за стол.

Мама вернулась на кухню. На столе из старинного дерева лежали раскатанные свежие листы теста, а чуть дальше на мраморной лавке, заставленной ящиками, стояла упаковка оставшейся муки. По одной из стен были развешены медные сковороды. Несколько кастрюль на чугунных конфорках, тихо закипая, что-то готовили.

Мама поговорила с кухаркой и дала ей разные указания по поводу кухни, затем вышла вместе с двумя горничными. Вечером должны были прийти гости.

Снаружи Клодин образцово дисциплинированно сидела за столом и наблюдала, как играют её братья. Они убежали далеко. До её слуха долетало только лаянье пса. Как бы она хотела быть с ними, бегать, валяться на траве, но мама говорила ей вести себя, как подобает девочке.

– Мне нельзя выходить из-за стола.

И вдруг раздался голос:

– Клодин?

Она закрыла глаза.

Он появился на пороге и остановился. Взгляд его был слегка строгим, и он с любопытством направил его на плечи девочки. Её нежная шея выглядывала из кружевного воротничка платья, прикрытая пышными, только завитыми русыми кудрями.

Может, она не услышала? Он снова, не меняя тона и не повышая голоса, позвал её:

– Клодин?

На этот раз она повернулась и заметила его.

Секунду они молча смотрели друг на друга. Затем он улыбнулся и протянул ей руку:

– Идём.

Девочка встала и подошла к нему. Ладонь мужчины обхватила её маленькую ручку.

– Идём, солнышко.

На пороге дома Клодин остановилась. Она медленно повернула голову. Вдалеке оба её брата продолжали бегать по траве вместе с собакой. Взмокшие от бега, они веселились вовсю. Вдруг Танкреди остановился. Он словно услышал что-то, какой-то голос, крик, может быть, чьё-то имя. Он повернулся к дому. Но было слишком поздно. Там уже никого не было.

Глава вторая

– Смотри, какая красивая.

– Какая женщина.

Танкреди улыбался Давиде, а на теннисном корте Роберта отбивала мяч.

Фабрицио, её муж, с другой стороны корта ответил прямым ударом и попал на линию. Роберта отреагировала молниеносно и, словно дикая кошка, попыталась добежать последнюю пару метров. Наконец поняв, что не успевает, она проскользила по земле и снизу отправила мяч в небо безупречным бэкхэндом, чем и завершила матч.

– Победа! – захолопал малыш Маттиа. – Мама лучше всех!

– Папа тоже молодец, – тут же ответила ему Джорджия.

– Нет, мама больше молодец.

И они принялись толкать друг друга.

– Хватит, хватит, – разнял их тут же Фабрицио. Он с силой потянул Джорджию наверх, подняв её к себе. – Спасибо, что заступаешься за меня, принцесса, но мама очень сильная... В этот раз победила она.

Взмокшая Роберта подошла к ним. Её сильные, длинные ноги уже успели загореть от первых лучей майского солнца.

Она взъерошила волосы Маттиа:

– Ты правильно говоришь, дорогой, мама сильнее! – Она хитро посмотрела на мужа и передала ему «Гаторейд»¹.

С закрытыми глазами он сделал один большой глоток и остановился передохнуть, а затем отпил ещё немного. Фабрицио подошёл к жене и поцеловал её в губы. На вкус они были и сладкие и солёные одновременно.

Джорджия потянула папу за футболку:

– Пап, а мы устроим реванш?

– Конечно, принцесса... Но в следующий раз. А сегодня у папы ещё целая куча дел.

И потихоньку они начали уходить с корта: отец, мать и двое детей – мальчишка лет восьми и девочка чуть помладше его. Они шли практически в обнимку, но не смогли все вместе пролезть в проход. Сперва вышли дети, затем Фабрицио, и последней с корта ушла Роберта, но сначала обернулась назад.

Её взгляд пересёкся со взглядом Танкреди. На секунду её рот приоткрылся, возможно, просто чтобы сделать вдох. Она казалась погружённой в какую-то мысль, словно чего-то ждала или о чём-то беспокоилась. Но это продолжалось лишь мгновение. Затем она догнала дочку:

– Давай-давай, маме ещё надо принять душ.

И эта идеальная семья скрылась за углом виллы.

Танкреди продолжал смотреть ей вслед – ему хотелось узнать, оглянется ли она ещё раз. Давиде прервал его размышления:

– Как она на тебя посмотрела, а?

– Как женщина.

– Да, но как будто она тебя хочет. Что это ты такое делаешь с женщинами?

Танкреди повернулся к нему и затем улыбнулся:

– Ничего. А может, и всё сразу. Может, как раз то, что им нравится, чего они хотят. Им нравится непредсказуемость. Смотри. – Он вытащил телефон. – У меня был её номер,

---

¹ Напиток для восстановления водного баланса.

и я отправил ей сообщение. Я сделал вид, что ошибся, а отправил я ей вот что: «Я бы мог посмотреть на тебя тысячу раз, но так и не выучить наизусть всех твоих черт».

– И что ты сделал потом?

– Ничего. Я ждал весь день. Я знал, что в конце концов она мне ответит. Так и произошло.

– И что, как она ответила?

– Вежливо и прямо. Я уверен, что, когда она прочла сообщение, одна её часть хотела ответить с вежливостью, а другая боялась сделать что-то, чего делать не следует.

– И чем всё кончилось?

– Она ответила. Слушай: «Кажется, вы ошиблись номером». И я сразу ей написал: «А что, если я ошибся по воле судьбы? Что, если этого хотел случай?» Мне потом даже показалось, что я услышал, как она смеётся.

– Почему?

– Потому что я написал ей в самое удачное время. У каждой женщины, даже если она реализовала свой талант, у неё есть дети, прекрасная семья и её удовлетворяет её работа, наступает время, когда она чувствует себя одинокой. И вот в такое время она вспомнит этот смех. А особенно то, что это ты заставил её смеяться.

Давиде взял телефон Танкреди. Там было продолжение переписки. Он читал их послания друг другу, словно перед его глазами проносилось время, неделя за неделей.

– Нужно стать для неё привычкой, словно частью её жизни. Каждый день присылать фразу или писать невинную мысль без каких-либо намёков. – Танкреди улыбнулся, а потом заговорил серьёзно: – А затем вдруг остановиться. Устроить два дня затишья. Не написать ни одного сообщения. И тогда она заметит, что скучает, что теперь она с нетерпением ждёт тебя как по расписанию, что ты – причина её улыбки. После этого ты пишешь ей, просишь прощения, объясняешься, что у тебя возникла какая-нибудь проблема, и задаёшь простой вопрос: «Ты скучала?» Что бы она ни ответила, ваши отношения больше не будут прежними.

– А если она не ответит?

– Это тоже ответ. Он будет значить, что она боится. А боится, потому что боится поддаться. Тогда ты можешь открыться и написать: «Я по тебе скучал». Сделать первый шаг.

И он показал ему ещё одно сообщение, и ещё одно, и ещё одно. До самого последнего: «Я хочу узнать, кто ты».

– Оно отправлено десять дней назад. А что случилось потом?

– Мы познакомились.

Давиде впери́л в него взгляд:

– И?..

– И естественно, я тебе ничего не расскажу о том, как, где и когда мы встретились. Но я показал тебе это всё для того, чтобы ты увидел, что внешний облик иногда обманчив. Ты видел их семью? Они выглядят счастливыми – двое прекрасных детей и всего у них в достатке. И всё же жизнь так неустойчива, в одну секунду... *пуф!* – всё исчезло.

Танкреди на телефоне показал ему несколько фотографий этой женщины. Обнажённая Роберта в одной шляпе, прикрывающая грудь, а затем и другие, более откровенные, где она смеялась и веселилась.

– Когда женщина преодолевает определённую границу, она больше ничего не стыдится, отпускает себя и живёт свободно.

Давиде задумался и не сразу ответил:

– Слава богу, что ты не добрался до моей женщины. – Он произнёс это твёрдо, слегка сурово, так, что было непонятно, шутит он или нет. – А может, ты и хотел бы заполучить Сару... Но, к счастью, ты не в её вкусе.

Танкреди поднялся:

– Точно.

И он начал уходить, будучи уверен в одной вещи. Как иногда можно ошибаться в человеке.

– Идём, пообедаем вместе.

Они зашагали по огромному парку клуба «Чирколо Анτικο Тиро а Воло». Впереди виднелась железная дорога Рим – Витербо, справа возвышался район Париоли, у подножия которого по направлению к Франции на фоне гор бежал, а затем терялся из виду длинный виадук. Дальше он скрывался из виду где-то в стороне района Фламинио.

В клубе стояла приятная атмосфера: английский газон, широкий бассейн, несколько столиков и нависающие над ними зонтики от солнца. Края скатертей шевелились, задеваемые лёгким ветром, который также освежал уже обедающих участников клуба.

Танкреди и Давиде заняли места. Чуть подальше расположилось идеальное семейство. Они сидели за столом. Джорджия и Маттиа продолжали препираться друг с другом.

– Ну хватит! Не бери ничего из моей тарелки!

– Она не твоя! Она из буфета, а значит, общая!

Маттиа схватил оливку с тарелки Джорджии и медленно положил её себе в рот.

– Нечестно! – Джорджия ударила его в плечо.

Мама сделала им замечание:

– Вы ещё не закончили ругаться?

Но мальчик уже стащил у неё маленький кусочек моцареллы и начал жевать так, что со рта у него потекло молоко.

– Маттиа, так не едят! – Роберта с силой провела салфеткой по его губам, останавливая струйку молока, прежде чем та достигла рубашки. Затем её материнский взгляд изменился. Он направился вдаль, через столики, пока не столкнулся со взглядом Танкреди. Тот весело ей улыбнулся. Роберта покраснела, о чём-то вспомнив, а затем превратилась обратно в маму: – Если вы не прекратите ругаться, я вас больше никуда не буду брать.

Официант приблизился к столу Танкреди и Давиде:

– Добрый день, синьоры. Готовы сделать заказ?

– Ты что будешь?

– Хм... наверное, что-нибудь горячее...

Танкреди поспешил ему посоветовать:

– Здесь делают отличные паккери² с помидорами и моцареллой.

– Хорошо, тогда я буду их.

– А мне, пожалуйста, холодный салат с каракатицей. Принесите нам ещё хорошего белого холодного вина. Одно «Chablis Grand Cru Les Clos» 2005 года, пожалуйста.

Официант удалился.

– А потом можем взять жареного кальмара или сибаса, припущенного в лёгком бульоне. Рыба здесь наисвежайшая.

И они принялись ждать своего заказа. Такреди повернулся к парку. У входа в клуб стоял Грегорио Савини. Он, кажется, смотрел совсем в другую сторону. У него была короткая стрижка, одет он был в лёгкий костюм, а его непроницаемые чёрные глаза отвлечённо следили за людьми вокруг, замечая всё сразу и представляя себе все возможные события.

– Он всегда с тобой, верно?

Танкреди налил Давиде немного воды:

– Верно.

– Он знает о твоей семье всё, потому что уже долго работает у вас.

– Да. Я был ещё маленький, когда он появился. Но на самом деле мне даже иногда кажется, будто он был всегда.

---

² Вид пасты.

Подошёл официант, разлил вино и удалился.

– Здорово быть знакомым с таким человеком. Нет ничего, чего бы он не знал. Сложно что-то от него скрыть, верно?

Танкреди сделал глоток воды. Он поставил бокал и направил взгляд вдаль:

– Точно. Это невозможно.

Давиде весело улыбнулся:

– Он знает об этой женщине? О Роберте?

– Это он мне нашёл её номер и снабдил всей информацией.

– Серьёзно?

– Конечно. От него у меня столько разных сведений о ней. Какие она носит украшения, какие любит цветы, какой посещает клуб... Иначе я бы не смог проверить это всё в такой короткий срок.

– А что тебе пришлось сделать, чтобы попасть в этот клуб?

– Да понимаешь, это оказалось проще всего на свете. У них было несколько неоплаченных расходов, которые я помог им закрыть, купив больше акций.

В этот самый момент в дверях показался официант. Он осмотрел всех, а затем увидел того, кого искал.

Он пересёк газон, проворно лавируя между столиками.

Танкреди заметил его:

– Смотри не пропусти эту сцену.

Друг с любопытством взглянул на него. Он не понимал, о чём тот говорит.

Официант остановился у столика семьи Де Лука:

– Прошу прощения...

Фабрицио поднял взгляд от тарелки. Он никого не ждал.

Роберта тоже остановилась.

– Это для синьоры. – И он передал ей прекрасный цветок – дикую орхидею, пёструю, лежащую внутри завернутой в пакет шкатулки. К цветку была прикреплена записка. – А это вам, доктор Де Лука.

Фабрицио взял папку. С любопытством он повернул её, но никаких пометок на ней не было. В этот самый момент Роберта развернула записку: «Ты правда меня любишь?» Она быстро подняла взгляд и посмотрела ему в глаза. Танкреди налил вина в бокал, устался на Роберту, приподняв бокал, словно хотел издали произнести тост, и сделал несколько глотков – идеально холодное.

– Это превосходное шабли.

За другим столиком Фабрицио Де Лука вдруг побледнел. Он открыл папку и не мог поверить своим глазам. Там лежали несколько фотографий, не оставлявших никаких сомнений, – это его жена Роберта, запечатлённая другим мужчиной в самых неистовых и раскованных позах. И указанием на то, что снимки были сделаны недавно, служила подвеска на её шее, которую он подарил ей на десятую годовщину их брака. Значит, всё это произошло буквально в последние пару недель, поскольку подарок был сделан всего месяц назад.

Фабрицио Де Лука показал фотографии жене, и, прежде чем она успела выйти из ступора, он с размаху ударил её по щеке. Роберта упала со стула. Джорджия и Маттиа замолчали, боясь пошевелиться, а затем Джорджия разразилась плачем. Более сдержанный Маттиа просто оробел:

– Мама... мама...

Он не знал, что делать. Дети вместе бросились её поднимать. Фабрицио Де Лука взял несколько фото, которые, конечно, будут отличным свидетельством при бракоразводном процессе, а затем ушёл, провожаемый изумлёнными взглядами участников клуба.

Роберта попыталась успокоить Джорджию:

– Ну, солнышко, ничего страшного...

– Но почему папа это сделал? Почему он тебя ударил?

В эту секунду один снимок упал со стола. Джорджия подняла его.

– Мама... Это же ты!

Роберта отобрала фото у неё из рук и со слезами на глазах засунула фотографию в задний карман джинсов. Затем она подняла Джорджию, взяла Маттиа за руку и, пошатываясь, начала уходить под пристальными взглядами людей вокруг. Её щека горела красным, на коже остался отпечаток ладони. Дойдя до стола Танкреди, она остановилась.

Давиде готов был провалиться. Роберта встала перед ними. Она молчала. Слёзы без остановки продолжали катиться по её щекам.

Маттиа ничего не мог понять, он тянул её за руку:

– Мама, чего ты плачешь? Чего вы поссорились с папой? Что произошло?

– Я не знаю, любимый. – И она посмотрела на Танкреди. – Ты мне скажи.

Танкреди молчал. Он взял бокал и сделал глоток. Утёр губы салфеткой и медленно положил её обратно на колени:

– Кажется, тебе начало надоедать счастье. Когда обретёшь его снова, то будешь ценить его больше.

Глава третья

– Дорогая, это ты?

В ту секунду, как он произнёс эти слова, сердце Софии сжалось. Кто же ещё мог это быть? Куда бы она ушла? Да и каким образом? Ей показалось, что она слышит визг тормозов, а затем удар, разлетевшееся стекло, смятый металл – всё будто в замедленном действии.

Она поставила сумку с покупками на стол. Потрогала свой лоб – он был мокрый. Затем она упёрла руки в бока и огляделась вокруг. Жалкая кухня, не такие как прежде прозрачные стаканы, потёртое стекло. Она посмотрелась в зеркало и едва узнала себя: уставшее лицо, расчёсанные волосы, но самое главное – потухший взгляд. Вот чего уж ей точно не хватало, так это света. Её так часто воспеваемая красота, словно она была её единственным достоинством, всё ещё была на месте. София просто устала. Она поправила волосы. Затем сняла куртку, повесила её на стул и начала раскладывать покупки. Она поставила молоко в холодильник. С самого детства она боролась с этой красотой, она хотела, чтобы её любили за её страсть, за её невероятный талант, который она получила, за её любовь к музыке. Фортепиано было единственным смыслом её жизни, а ноты заполняли все её мысли. В шесть лет во время первых занятий она выбрала несколько классических произведений и попросила забрать их себе домой. Там она сделала аранжировку и обработала их по-новому, создав звуковую дорожку, саундтрек к своей жизни. Качалась ли она на качелях, бегала ли, плескалась в море или смотрела на закатное солнце – всё это было под звучащие в её голове аккорды. Каждое мгновение её жизни сопровождалось музыкальным произведением, которое она точно знала, как можно улучшить.

Такова была София. А в качестве гимна своей любви она выбрала «По прочтении Данте» Ференца Листа.

Она решила, что исполнит это произведение только для того человека, которого она полюбит и который сделает её счастливой. Но этого так и не произошло, пока она не встретила Андреа, архитектора и регбиста. Спортивного и умного, как и она сама, страстного и рационального. Они встретились на какой-то вечеринке и начали встречаться. Впервые в жизни она почувствовала свободу, и тогда случилось то самое. Она влюбилась. Наконец она могла сыграть свой гимн любви. Сперва она много дней репетировала, потому что всё должно было быть идеально – так, как она хотела, как она чувствовала, так, как она сыграла бы для него, только для него, для её Андреа. И в тот вечер она была готова сделать это, но вот только...

Как только она ступила на порог дома, то услышала, что звонит телефон.

София закрыла дверь, поставила сумку и бросилась отвечать:

– Аллю?

– Наконец! Где ты была?

– На уроке. Я только пришла.

– Хорошо, дорогая. Я везу тебе пиццу с помидорами и моцареллой...

– Но я же просила только с помидорами... помидоры, и всё!

– Дорогая, ты чего так кипятишься?

– Потому что ты никогда меня не слушаешь.

– Моцарелла остынет, когда я приеду, и её легко можно будет убрать. Останутся только помидоры, и всё, как ты и хочешь.

– Проблема не в пицце, а в том, что ты меня не слушаешь! Понимаешь ты или нет?

– Понял. Я еду.

– Я тебе не открою!

– Даже если я привезу тебе пиццу с помидорами и моцареллой?

– Я же сказала, только помидоры!

– Да-да... Я просто пошутил!

– Да, конечно, шутишь, ничего не слушаешь и думаешь, что я какая-то дурочка!

– Слушай, если ты хочешь сейчас поссориться, то ничего не выйдет.

– Ты прямо как моя мать! Я именно из-за этого и уехала из дому, как только мне исполнилось восемнадцать... И вот теперь я снова с тем, кто не слушает меня и вечно только насмеяется надо мной.

И она бросила трубку. Андреа положил мобильник в куртку, встряхнул волосами, завёл мотоцикл и стал постепенно набирать скорость. От злости он быш готов взорваться, ему хотелось ругаться дальше. Первая, вторая. «И что, мы всегда теперь будем ссориться? Какого чёрта! О'кей, забыл я, что она не хочет моцареллу, что теперь? Обязательно из мухи делать слона?» Третья, четвёртая, всё быстрее, всё яростнее, вниз по склону, снова прямо мимо той самой пиццерии. Восемьдесят, сто. Сто двадцать. Сто сорок. На высокой скорости казалось, что улица вытянулась. Его взгляд быш затуманен гневом и слезами от ветра. Этого было достаточно, чтобы не увидеть остановившуюся на углу внизу спуска машину.

Кто-то включил поворотник, который мигнул раз-другой, и, уставши ждать, машина выехала вперёд из тьмы. Она выехала на дорогу как раз в тот момент, когда Андреа приближался на полной скорости. Всего мгновение. За рулём сидела пожилая синьора. Она испугалась, когда увидела резко приближающийся свет фар, и в ступоре застыла посреди дороги, не двигаясь ни вперёд, ни назад, утратив способность что-либо предпринять.

«Но...» – Андреа не успел вовремя свернуть, даже чуть притормозить. Он широко раскрыл глаза и рот. Ему казалось, что это машина несётся на него с бешеной скоростью.

Он не смог даже закричать, ничего, он просто потянул на себя руль и зажмурил глаза. Не было времени сделать что-то ещё, даже прочесть молитву, возникла только одна мысль: «Одну пиццу с помидорами, без моцареллы». Этого он больше не забудет. Никогда.

И он провалился в тьму.

Глава четвертая

– Я боюсь вас знакомить.

– Почему?

– Потому что он может тебе понравиться больше, чем я.

– Это невозможно. – Бенедетта засмеялась, прикрыв рукой рот. Она отпила немного принесённого «Биттера» и подняла плечи.

Джанфилиппо рассматривал её с любопытством:

– Почему невозможно? Он моложе... Красивее меня, а самое главное, он гораздо, гораздо богаче меня...

Бенедетта вдруг сделалась серьёзной:

– Ну тогда я просто с ума сойду.

Джанфилиппо поднял бровь:

– О!

– Да... особенно из-за того, что ты придурок. – Она по-настоящему разозлилась. – Ты серьёзно думаешь, что он может мне понравиться, потому что он богаче?

– Я же сказал гораздо, гораздо богаче.

– Тогда ты гораздо, гораздо больший придурок!

Джанфилиппо сделал глоток своего кампари. Затем улыбнулся и попытался оправдаться:

– Дорогая, с тобой и пошутить нельзя.

– Ты не шутишь.

Бенедетта решительно тряхнула плечами и развернулась на три четверти. Она посмотрела в глубь зала. Там были картины, статуи и, наконец, гости Охотничьего клуба, одного из самых элитных.

Они шагали уверенно, спокойно, кто-то с улыбкой приветствовал друг друга; все они были знакомы с незапамятных времён, поскольку вращались в узком кругу знакомств, самом могущественном и богатом во всём Риме.

Джанфилиппо попробовал взять её за руку:

– Ну брось, ты чего?

Бенедетта быстро отдернула руку:

– Это была отвратительная шутка, я не понимаю, почему тебе смешно, что кто-то богаче тебя...

Джанфилиппо протянул руку:

– Но я не шутил! У него много денег... очень много.

Бенедетта повернулась и покачала головой. Она ничего не могла поделать. Он никогда не поймёт. Так что, в сущности, спорить было бесполезно. Да и всё равно он всего лишь преувеличивал. Как это возможно – быть гораздо-гораздо богаче его? Джанфилиппо был самым состоятельным человеком, которого она когда-либо знала. В тот момент, как она поймала себя на этой мысли, она стыдливо улыбнулась и стала искать, на что бы отвлечься.

– Ладно, не будем ссориться. Расскажи что-нибудь о твоём брате, пока он не приехал. Мне очень интересно.

Джанфилиппо вздохнул:

– Он всегда был несколько безбашенный. Вечно вытворял чёрт-те что на мотоцикле, занимался сёрфингом и объехал полмира, побывав там, где проходили гонки: на Гавайях, Канарах... Потом настал черёд каноэ, прыжков с парашютом, полётов на парплане. Короче, он ничего не пропустил. Кажется, он перепробовал все самые экстремальные виды спорта – любит рисковать жизнью...

И в ту же секунду он услышал его голос:

– Так что, принимая всё сказанное во внимание, умом я не отличаюсь.

Бенедетта резко развернулась. Перед ней стоял мужчина:

– Тебя послушать, так я всё время только и делал, что пытался убиться, но так и не преуспел в этом.

Он был высокий, стройный, худой; на нём была идеально выглаженная белая рубашка, рукава которой он закатал, обнажая мускулистые плечи. У него были чуть смуглая кожа и ярко-синие, живые, выразительные глаза.

«Он как будто бы крупнее, – подумала Бенедетта. – Хотя нет, скорее он просто более уверенный, более мужественный, более... Более всё».

Она улыбнулась ему.

«Не знаю, правду ли говорит Джанфилиппо, что он гораздо-гораздо богаче его, но одно точно – он гораздо-гораздо красивее».

Он очень изящно сел перед ней и подал ей руку, чтобы представиться:

– Танкреди.

– Бенедетта.

Затем он скрестил ноги и положил руки на кресло:

– Итак, что же делает такая красивая женщина рядом с этим... этим... не могу подобрать слово.

– Этим офигенным парнем, ты хотел сказать? – улыбнулся Джанфилиппо.

Танкреди скривил рот:

– Это точно не то слово, которое я искал.

– Если ты думаешь, что, чтобы не скучать, нужно обязательно вести такую жизнь, как у тебя, то я просто счастлив.

– Почему? – Танкреди как будто был поражён этой фразой. – Что не так с моей жизнью?

На самом деле брат не знал и половины того, чем занимался Танкреди, и не одобрял ту часть, о которой знал.

Джанфилиппо попытался перейти в безопасное русло:

– Что ж, по крайней мере, ты жив. Одно это уже кажется мне невероятным успехом, если не чудом.

Бенедетта проткнула оливку зубочисткой, окунула её в остатки «Биттера» и отправила себе в рот. На вкус она была солоновато-сладковатой.

Братья смотрели друг на друга, пока наконец Джанфилиппо не улыбнулся и Танкреди не опустил взгляд. Бенедетта сидела с оливкой во рту, озадаченная воцарившимся странным молчанием. Джанфилиппо посмотрел на неё и легонько покачал головой, как бы говоря: «Ничего страшного, я тебе потом расскажу». И в этот самый момент она услышала, как её зовут:

– Бенедетта, а ты как здесь!

Какая-то девушка остановилась у входа в зал, недалеко от того места, где они сидели. Она была в синем костюме, держала в руках маленький клатч от Gucci, белые волосы были собраны.

Бенедетта с улыбкой поднялась:

– Габриэлла! Прощу прощения...

Она оставила двух братьев и побежала навстречу подруге. Они обнялись и начали болтать.

Джанфилиппо посмотрел на Танкреди и улыбнулся ему. Тот поднял руку, пытаясь привлечь официанта:

– Извините?

Джанфилиппо спросил:

– Видел это?

Танкреди вздохнул:

– Ага.

Наконец, подошёл официант.

– Не могли бы вы, пожалуйста, принести пиво?

– Конечно, синьор.

Официант подумал, что это всё, и развернулся, чтобы уйти, но Танкреди остановил его:

– Какое у вас есть пиво?

– Любое, синьор.

– Хорошо, тогда можно «Du Demon». – Официант снова развернулся, но Танкреди бросил ему ещё одну просьбу: – Только очень холодное.

Танкреди пытался сделать вид, что ничего не произошло, но понял, что больше не может это игнорировать.

Он столкнулся взглядом со своим братом:

– Невероятно, правда?

– Да, это было странно.

– Странно? Это самая абсурдная вещь, которая могла случиться! Она повела себя точно так же...

И они вместе погрузились в воспоминания.

Клодин, насадив оливку на зубочистку, провела ею по дну стакана, затем улыбнулась, вытащила оливку и слизнула готовящуюся упасть с оливки красную капельку. Затем она положила оливку на губы и играла с ней, будто маленькая акробатка, пока та не исчезла. Тогда Клодин проглотила её:

– Мм... вкусная.

Она покрутила указательным пальцем у щеки, поддразнивая младшего брата Танкреди.

– Ну хватит, ты и так все съела! Это была моя.

– Да ты такой медлительный, просто черепаха.

И она сбегала от него в сторону бассейна в саду. словно газель, она пробежала мимо розовых кустов, зелёной изгороди и деревьев.

Танкреди тут же бросился за ней. Она хохотала и иногда оборачивалась к нему:

– Не поймаешь, я быстрее...

Она разогналась, скинула лёгкое платье, бросив его на газон возле бассейна.

Она остановилась у края:

– Видел? Я первая!

И она грациозно нырнула рыбкой.

Проплыв под водой, она выплыла на середине бассейна, пригладила свои длинные тёмные волосы, открывая слегка загорелое лицо, затем прищурила глаза и улыбнулась, пока Танкреди всё ещё снимал ботинки:

– Ну, теперь видишь? Черепаха... настоящая черепаха.

Джанфилиппо засмеялся. Он сидел тут же в бассейне на надувном прозрачном кресле. Ноги он положил на оранжевый матрас, на котором была его девушка Гвендолин. Она лежала на животе, а рукой держала Джанфилиппо за ногу, которая свешивалась с кресла. Гвендолин, уже идеально загоревшая, тоже засмеялась. Её ярко-лазурный купальник подчёркивал каждый изгиб её фигуры. Наконец Танкреди разделся до трусов, пробежался и прыгнул. В прыжке он подобрал ноги и обрушился бомбочкой, окатив всех вокруг.

– Ах ты!

Они начали брызгаться. Джанфилиппо упал с кресла, схватился за матрас Гвендолин, стягивая и её. Они оказались под водой и выплыли, хохоча, но Гвендолин среагировала быстро и стала с такой силой брызгать на Джанфилиппо, что ему ничего не оставалось делать, как утопить её за плечи. Он не давал ей выплыть какое-то время, а когда отпустил, то Гвендолин с силой выпрыгнула наружу и быстро и глубоко вздохнула:

– Ты что, идиот? Я чуть не задохнулась!

– Да, конечно!

– Идиот, ты просто идиот.

Они ещё немного поругались, пока он не попытался остановить её поцелуем, но она его укусила.

– Айя!

– Тебе на пользу.

Джанфилиппо вытащил язык, чтобы посмотреть, идёт ли кровь, но ничего на нём не было. Тогда они снова начали ругаться и опять поцеловались, но в этот раз она не стала его кусать. Это был глубокий, страстный поцелуй. Танкреди заметил это и с удивлением на лице повернулся к Клодин. Он кивнул головой и вскинул руку:

– Ты вообще видела? Они целуются...

Но Клодин это всё было неинтересно, как будто бы даже докучало. Сделав два быстрых гребка руками, она схватилась за бортик и выпрыгнула из воды. Вся мокрая, она пошла в сторону дома. Худенькая и тонкая, она бежала по газону, не удосужившись объяснить свою странную реакцию.

Танкреди, оставшись один в воде, поплавал немного туда-сюда, а затем почувствовал себя третьим лишним. Джанфилиппо и Гвендолин продолжали, обнявшись, целоваться возле края бассейна. Танкреди не знал, что ему делать, поэтому тоже пошёл домой.

Из холла он поднялся по просторной лестнице, которая вела к спальням:

– Клодин? Клодин?

Он постучал в дверь её комнаты, но ему не ответили. Тогда он тихонько открыл её. Дверь закрипела. Клодин сидела на своём огромном кресле, прижав к себе ноги, волосы всё ещё были мокрые. За её плечами было открыто окно. В полузакрытые ставни проникал свет, и лёгкие занавески, колышась от ветра, время от времени пропускали лучи солнца.

Танкреди встал перед ней:

– Почему ты мне не отвечаешь?

– Потому что не хочу! – Клодин ела фруктовый вишнёвый лёд, от чего весь рот у неё был измазан. Язык выкрасился в ярко-ядовито-красный, а она продолжала жадно его лизать, в то же время смеясь: – Чего же ты хочешь, младший братец?

Танкреди очень разозлился, он ненавидел, когда его так называют.

– Я тоже хочу фруктовый лёд.

– Больше нет.

– Ты врёшь!

– Не вру, смотри... – Клодин встала и открыла маленький холодильник. – Видишь, пусто. Это последний.

Танкреди очень расстроился:

– Кто тебе купил?

– А ты как думаешь?

– Я не знаю, а если бы знал, не спрашивал.

Клодин плюхнулась обратно в кресло, скрестила ноги и продолжила есть свой последний лёд.

– Купил папа... А знаешь почему? Потому что он меня любит больше всех... Но не говори маме...

Танкреди уселся на кровать:

– И почему?

– По кочану. Может, как-нибудь я тебе расскажу.

Танкреди не успокаивался:

– Но почему не говорить маме?

Клодин откусила огромный кусок льда, зажала его между зубами, затем взяла в руку и приставила к губам, высасывая весь сок. Рот тем временем становился всё краснее. Она хитро улыбнулась и приподняла бровь. Она была единственной хранительницей сокровенной тайны, которую решила поведать своему младшему братцу:

– Потому что он хотел только меня, а не вас двоих.

– Я стараюсь об этом не думать, но очень часто она появляется в моих мыслях. У тебя такого не бывает?

Танкреди глубоко вздохнул. Каждый раз, когда они виделись, Джанфилиппо насильно заставлял его вспоминать о Клодин.

– Да, иногда бывает.

Джанфилиппо взглянул на Бенедетту, которая всё ещё болтала с подругой:

– Что думаешь о ней?

– Я ещё плохо её знаю.

Джанфилиппо склонил голову набок, как будто это помогало ему разглядеть её лучше:

– Она очень сексуальна.

– Тебе все очень сексуальны.

– Неправда. Сильвия была идеальна, но в конце концов я от неё устал.

Наконец Танкреди принесли пиво, официант поставил его на стол и ушёл, не дожидаясь «спасибо», которого, естественно, и не последовало.

Танкреди сделал глоток:

– Такое рано или поздно происходит с каждой женщиной. Может... может, у них те же самые проблемы с нами...

– Отличное у тебя представление о тех, кто встречается. Ты не думаешь жениться когда-нибудь? Я да. Может быть, Бенедетта как раз та самая. В конце концов, мне скоро исполнится сорок два, ей – тридцать три, мы идеальная счастливая парочка: у нас неплохая разница в возрасте, мы схожи во вкусах, во взгляде на жизнь и способны оставлять друг другу личное пространство и некоторую свободу.

– Почему бы и нет? Может, всё и получится. Ты считаешь, что для идеальной пары нужны всего лишь правильные ингредиенты?

– Я думаю, да. Особенно если хочешь создать счастливую пару.

– Я знал когда-то одну счастливую пару, у них была идеальная семья. Мы каждый день встречались в клубе. Прекрасная пара: богатые, оба замечательные теннисисты, двое хорошеньких детей... а потом однажды – пуф!

– Что произошло?

– Она ему изменила.

– Ну, может, это кто-то просто рассказал тебе какую-то сплетню...

– Нет, я довольно-таки уверен. Она изменила со мной.

Танкреди отпил ещё пива.

Джанфилиппо промолчал.

Тогда Танкреди продолжил:

– Было приятно смотреть на то, какие они идеальные, счастливые... А потом разрушить всё это. Я ненавижу счастье. Оно лицемерно. Все они улыбаются, как будто всё у них идёт как надо. Посмотри, посмотри на этих людей вокруг.

Джанфилиппо последовал за взглядом Танкреди, который бродил по залу Охотничьего клуба. Утончённые, богатые мужчины и женщины обменивались улыбками, словами, приветствовали друг друга, протягивая руку, целуя в щёки. Отовсюду раздавался смех в ответ на чей-нибудь анекдот, рассказанный всегда размеренно, любезно, вежливо, ни на одном слове не повышая голоса.

– Весь этот причёсанный мир... Все такие хорошие, честные, спокойные, искренние. А на самом деле бог знает, кто из них изменяет, ворует, творит зло и страдания... Они симулируют счастье. Как та женщина из идеальной семьи. Она была так счастлива, у неё было всё, и в одно мгновение она от всего отреклась, всё потеряла, вот так... – он щёлкнул пальцами, – из-за простой прихоти...

– Как об этом узнал муж?

– Я отправил ему фотографии. – Джанфилиппо озабоченно взглянул на него. Танкреди улыбнулся: – Где я сзади и видно, как ей хорошо.

В эту минуту к столику подошла Бенедетта со своей подругой:

– Простите, что перебиваю, позвольте познакомить вас с моей подругой Габриеллой. Мы тысячу лет не виделись.

Танкреди и Джанфилиппо практически одновременно поднялись:

– Очень приятно.

Затем Бенедетта обняла Джанфилиппо, чтобы не осталось сомнений, что это её мужчина.

– Мы с Габриеллой подумали, что можно было бы сходить поужинать сегодня в «Ассунта Мадре», говорят, там самая вкусная рыба в Риме. – Она посмотрела на Танкреди: – Может, и ты к нам присоединишься?

Танкреди впился взглядом в Габриеллу, которая, слегка смутившись, опустила глаза. Тогда он улыбнулся.

– Не смогу, к сожалению, – извинился он. – У меня уже есть дела, и я никак не могу их отложить.

– Жаль... – произнесла Бенедетта.

– Я провожу брата к выходу.

Джанфилиппо и Танкреди вместе ушли.

– Нет у тебя никаких дел, правда?

– Очень проницательно.

– Что ты такого увидел, что тебе в ней не понравилось? Мне кажется, она прекрасная девушка.

– В мире полно прекрасных девушек. А эта не замужем, не помолвлена, возможно, она недавно с кем-то рассталась, а теперь хочет просто влюбиться... И возможно, я – отличная кандидатура.

– И?... Что тогда не так? Может, будет тоже весело. Кто знает, сколькими талантами она обладает, как она занимается любовью, как готовит. Столько предстоит открытий...

– Да, но мне она показалась самой обычной. Максимум она может быть хороша в том, для чего существуют все женщины.

– Для чего же?

– Чтобы плакать.

На этом Джанфилиппо отпустил Давиде. Он недолго смотрел ему вслед, пока тот шёл по коридору. Затем он вернулся к двум женщинам, сел между ними и погладил Бенедетту по руке.

– Станный тип твой брат... Но мне он понравился. Жаль, что он занят сегодня.

– Ага.

– Точнее, нам он понравился. Я только говорила Габриелле, как было бы здорово, если... Да, в общем, может, позвать его к нам на виллу...

Джанфилиппо сразу понял, на что она намекает:

– Да, было бы прекрасно. Только у моего брата есть одна маленькая проблема...

Бенедетта и Габриелла взглянули на него сначала с любопытством, а затем с беспокойством:

– Какая?

– Он не хочет быть счастливым.

Глава пятая

Андреа, закрыв глаза, слушал музыку в наушниках. Затем он открыл их и стал смотреть на Софию на видео. Её пальцы летали по клавиатуре, голова была низко наклонена, волосы опустились перед её лицом, подпрыгивая вместе с её движениями, – она была вся поглощена своими нотами.

Её каштановые волосы посветлели, как будто выпцвели. Шёл сентябрь, её последний концерт.

Андреа смотрел на неё, камера приблизилась к её лицу так, что в кадре оказался её профиль. София играла последнюю часть концерта с закрытыми глазами. Андреа двигался в такт с ней, качал головой и всем телом, слушая произведение, последние его ноты, такие искренние, такие трогательные. Против его воли по лицу скатилась слеза. Он продолжил покачивать головой и не мог понять, вызвана ли эта печаль самой этой съёмкой, сделанной на сцене консерватории ещё тогда, когда он мог передвигаться, или она вызвана тем, что всё это было в прошлом. София больше не играла. Она словно забыла свой невероятный, столь часто воспеваемый талант, выбросила его на чердак, как что-то ненужное. Как нераспакованный подарок, как не случившийся поцелуй.

Пока на видео раздавались громогласные аплодисменты, он внезапно почувствовал, что за ним наблюдают, и опустил экран компьютера.

Перед ним стояла София восемь лет спустя.

– Э, с кем это ты там переписываешься? Я ревную.

Андреа снял наушники:

– Привет, дорогая, я не слышал, как ты пришла. – Он улыбнулся ей и попытался переставить компьютер на тумбочку, но ему это далось тяжело, словно даже маленькие тяжести были для него неподъёмны, как непреодолимая трудность. София тут же поддержала его за бок и помогла ему. – Нет, оставь его тут... Может, я потом ещё посижу.

– Я переставлю потом, когда буду уходить.

– Ох...

– Что это значит?

– Да нет, просто ты опять уйдёшь...

– Дорогой, ты, может, не помнишь, но я вроде как... каждый день хожу на работу.

– Мне просто так странно, что ты занимаешься преподаванием. Ты могла бы зарабатывать в сто раз больше, если бы давала концерты, на которые съезжалось бы полмира. А вместо этого ты хочешь преподавать музыку в школе.

– Я не только в школе работаю, в консерватории тоже... К тому же мне нравится преподавать, у меня много талантливых учеников.

– Да, как тот Даниеле, который написал тебе любовное письмо...

– Да ему же семь лет!

– Ну и что? Может, он не торопится и постепенно добьётся, чего хочет.

– Да, с одной небольшой помарочкой, что, когда ему будет восемнадцать, мне уже будет сорок!

– Ну и?.. Сейчас в моде парочки, где женщина намного старше...

– Милый... – София улыбнулась и поцеловала его в губы. – Ты же знаешь, что моя любовь не подчиняется моде, правда?

Затем она увидела, что его мешок для испражнений полон. София хотела убрать его, но Андреа схватил её за руку:

– Не надо, оставь...

– Но он полный.

Андреа в ярости ответил:

– Оставь, я сказал!

София отстранилась, испугавшись его внезапного крика.

Андреа заметил это и сказал спокойным голосом:

– Чуть позже придёт Сюзанна. Я бы хотел, чтобы она это сделала.

– Конечно, ты прав. – Но этого было недостаточно. – Извини...

И она тут же выскочила на кухню, закончила вытаскивать покупки из пакетов и, стараясь отвлечься, стала раскладывать всё в холодильник. Затем она остановилась, упёрлась руками в стол и закрыла глаза. Она сделала глубокий вздох и, открыв глаза, огляделась вокруг. Вдруг всё показалось таким старым, как будто бы всё здесь остановилось, потеряло способность к движению много лет назад. Лампа в правом верхнем углу рядом с холодильником, печенье на столе, разделочная доска, старый большой нож... Как будто в тот день её жизнь остановилась.

Она взглянула на часы: «Просто не могу поверить, сколько ещё ждать? Я хочу есть... Уже полдесятого. Так сложно поменять пищу? Если бы я знала, что так будет, то не стала бы просить. Что за пицца...» София принялась смеяться над тем, что можно было разругаться из-за пиццы. К тому же все эти дни она была полна вдохновения. Она не говорила никому, а тем более Андреа, что она готовит для него сюрприз. То, что связало бы их навечно: несколько недель она втайне готовилась сыграть ему пьесу Листа «По прочтении Данте» – самое прекрасное, самое желанное для неё произведение из цикла «Годы странствий». Оно очень сильно волновало её, поскольку, как она себе представляла, а точнее, как она наверняка знала, оно волновало и самого композитора. Лист был влюблён в княгиню Каролину Ивановскую, а теперь, спустя сто пятьдесят лет, она, София, княгиня дырки от бублика, посвятит эту пьесу своему возлюбленному, своему князю – да, и ей было не стыдно называть его так.

Она села за фортепиано и посмотрела на клавиши. Сколько ещё ей нужно упражняться? Может, недели две, а потом... на первом концерте, как только стихнут последние аплодисменты, она скажет: «На бис я хотела бы сыграть пьесу Ференца Листа, которую посвящаю одному очень близкому мне человеку». Она посмотрит на Андреа, сидящего в первом ряду, а он на неё. Она сядет за клавиатуру и начнёт играть, представляя, как при каждом стремительном, душераздирающем или виртуозном пассаже он будет поражён ещё больше, чем прежде.

Эта пьеса будет только их, и она больше никогда-никогда её не сыграет. Она начала стучать по клавишам и забыла обо всём мире вокруг. И она не замечала, что происходило позади неё. Её телефон беспрестанно звонил, кто-то набирал её номер раз за разом: близкие подруги, знакомые, даже родители и, наконец, больница. Но София продолжала играть, погружённая в переживание этого произведения. Она готовилась год – и сыграет только для него, для человека, которого она любит, для того, кто будет с ней всю жизнь. Улыбаясь, она вспоминала их дурацкие споры, свой немного капризный характер, своё тайное волнение. Она улыбнулась ещё сильнее, потому что чувствовала себя уверенно. «Я сыграю её для тебя, Андреа». И вместе с этой фразой, полной убеждённости, она полностью отпустила себя. Её руки быстро двигались по клавишам, из-под пальцев ноты выпрыгивали словно сумасшедшие, она жала с яростью, а иногда нежно, и довела всё до конца, полная страсти. Обессиленная, она не успела отнять руки от клавиатуры, как вдруг услышала шум. Сначала стук, потом звонок в дверь. Настойчивый, непрерывный, невыносимый. Как будто палец приклеился к звонку, а затем снова удары по тяжёлой деревянной двери, как будто бы за ней было больше одного человека. «Неужели я так плохо играла?» Она улыбнулась про себя и побежала к двери. «Может, уже слишком поздно? – она посмотрела на часы. – Да нет, можно играть до полудинадцатого».

Она удивилась, увидев Джорджо и Стефанию с нижнего этажа. Что они здесь делают?

– Что такое? Что-то случилось?

Стефания посмотрела ей в глаза, не зная, что сказать и как, и произнесла только одно слово:

– Андреа...

София закрыла рот ладонью, сделала глубокий, полный отчаяния вздох, вставший у неё поперёк горла. Она почувствовала себя так, будто все церковные гимны, все хоралы, все ноты, вся та музыка, которую она любила с детства, разбились вдребезги на её глазах.

Вскоре она уже была в больнице, где безумно бегала в поисках отделения скорой помощи. София не могла поверить своим глазам, ей казалось, что она попала в страшный сон, что это один из кругов ада. Вокруг были искалеченные мужчины и женщины, лица бледные, исторженные от боли. Кто-то рыдал, кто-то сидел в отчаянии, кто-то молчал от пережитого шока, как будто все они не хотели мириться с тем, что произошло.

– Где он? Скажите мне, где он... – выкрикнула она первому попавшемуся человеку похожему на доктора.

Затем кто-то указал ей где. Так она оказалась возле операционной палаты. Одна. Она предупредила мать Андреа, которая была в отъезде, но собиралась приехать, как только сможет. Шли нескончаемые минуты, превратившиеся в часы. Стояла невообразимая тишина. Она слышала, как сменяют друг друга секунды. Казалось, что на свете остались только одни часы где-то в центре Земли, которые отсчитывали медленное, неумолимое течение времени. София была разбита.

Она закрыла руками лицо и, не двигаясь, сидела, наклонившись вперёд, опираясь на колени. И наконец неизбежные слова единственного вызывавшего доверие доктора:

– Мы работаем, но я не скрою, что не уверен, выкарабкается ли он. Если выкарабкается, для него это будет очень тяжело. Возможно, он не сможет больше ходить.

София почувствовала, что силы покидают её, она бы упала, если бы врач не поддержал её.

– Не сможет ходить...

Это слова на повторе гремели у неё в голове. Что теперь делать? На что надеяться? Если бы решение было за ней, что бы она выбрала? Если бы доктор спросил: «Выбирайте, София, что лучше для Андреа? Жизнь... или смерть?»?

«Но какая жизнь, доктор? Несчастливая жизнь? Жизнь недееспособного, жизнь инвалида? Для него, всегда любившего свою силу, свой атлетизм, для него, не знающего границ и страха, занимающегося сотней видов спорта, любителя приключений. Для того, кто никогда не скушает, никогда не устает. Для него и его жажды любви, жажды жизни... Что такое вы спрашиваете, доктор? Что я должна выбрать? Что, если однажды он сможет ходить? Сколько раз вы, медики, ошибались...»

После этой, полной отчаяния мысли ей не оставалось больше ничего, как молиться: «Господи, дай ему жить...»

И один за другим она стала давать обеты, обещая безропотный отказ от всего, что любит, в обмен на жизнь Андреа.

Уже светало, когда хирург вышел из операционной. София медленно подняла голову и пересеклась с ним взглядом. Напуганная, она на мгновение закрыла глаза: «Я прошу тебя, Господи, я клянусь, что сдержу все свои обещания в обмен на его жизнь...»

Когда она открыла глаза вновь, она увидела улыбку на лице хирурга:

– Он выкарабкается. Нужно время, но он поправится.

И она начала плакать, и сквозь слёзы счастья она чувствовала тихую боль данного ей обета: она больше никогда не будет играть.

Чуть позже она поехала на место, где случилась авария. На обочине всё ещё лежал полностью разбитый мотоцикл, повсюду валялись осколки стекла от окон машины и разных других, более мелких частей – фары мотоцикла, стрелочки, части спидометра. Затем София при-

смотрелась получше. На земле виднелись следы торможения. У него не было времени. Чуть подальше стояла машины той женщины. Деформированная передняя дверь, окно разбито, металл смят. София провела по двери рукой. Через пальцы она услышала крик Андреа, боль, удар, его разбитые мечты и исчезающие в воздухе мысли. Она отдёрнула руку в страхе перед всем тем, что было потеряно. Чуть дальше, среди редкого газона, рядом с дорогой, она обнаружила болезненную находку. Она почувствовала свою вину, будто бы только она одна была ответственна за случившееся. На земле освещённая первыми лучами солнца лежала раскрытая картонная коробка.

На асфальте лежала перевёрнутая грязная пицца. Несколько муравьёв угощались моцареллой и помидорами, давно уже холодными.

Тогда София присела на землю и заплакала, чувствуя себя такой виноватой, как никогда прежде, и такой же грязной, как эта пицца, если не больше.

Глава шестая

– Большую часть своего дохода ты получил благодаря ему. Поэтому он тебе так нравится. Сара продолжала складывать взятые из химчистки рубашки. Она открыла большой белый шкаф в спальне и взяла несколько вешалок.

Давиде, только вернувшийся из Турина, ходил за ней по квартире.

– Но он всегда мне нравился. Ещё со школы. К тому же, это неправда, что я оцениваю людей по личной выгоде. Точнее...

Сара резко обернулась:

– Точнее что? Хочешь сказать, что я тебе не заработала денег... или хуже... что из-за меня ты их потерял?

Давиде сел на кровать:

– Я не о тебе говорю. Я говорю о своих друзьях. Иногда мне приходилось работать с ними, как, например, с Казерини. Я купил ему дом, а он точно не из тех, кто купается в деньгах... Вообще, мне не нужны были никакие проценты. Это бы могло поставить его в затруднительное положение.

– Точно... – Сара повесила две шёлковые рубашки на плечики и закрыла шкаф. – Но Танкреди странным образом ты любишь больше всех. Ты купил ему дом в Майами, в Лиссабоне, в Нью-Йорке, в Сан-Франциско... и не помню, где ещё... плюс пять или шесть в самых красивых местах Италии – на Капри, в Венеции, во Флоренции, в Риме. Все огромные, в центре, и вдобавок, как будто этого ему мало, ещё и остров...

– Он – самый богатый человек из всех, кого я знаю, и самый скрытный. Он хочет работать только со мной, чтобы не выделяться и в особенности чтобы не иметь проблем. Не могу понять, почему я не должен помогать ему тратить его же деньги? – Сара быстро ходила из комнаты в комнату, Давиде бегал за ней. – И затем, если не я, то был бы кто-нибудь другой... Только вот от никому не доверяет, кроме меня. В чём моя вина?

Сара внезапно повернулась и подошла к нему. Она остановилась в шаге от него:

– Твоя? Твоя – ни в чём, но нужно же быть объективным. Ты ему как-то особенно нравишься, потому что он напичкал тебя деньгами, и из-за этого ты к нему не можешь придраться... всё из-за денег.

Сара пришла на кухню. За ней тут же вошёл Давиде:

– Вижу, ты хочешь поругаться...

Сара открыла холодильник и взяла немного воды:

– Совершенно точно не хочу. Ты будешь?

– Нет, спасибо. – Давиде уселся перед ней. – Всё равно это неправда, я за многие вещи его критикую. Например, за то, что он сделал сегодня.

Сара закончила пить и саркастично спросила:

– Что же такого чудовищного он сотворил, чтобы услышать от тебя осуждение?

Давиде тут же понял, что это было слишком поспешно. Иногда гнев мешает мыслить трезво. Если бы он рассказал ей о той женщине из клуба, о фотографиях, принесённых за стол, где сидели её дети, ну, тогда бы у него точно появились препятствия к тому, чтобы видиться с Танкреди, кончилась бы их дружба вместе со всеми возможностями заработать. Он попытался отвлечь её и сменить тему:

– Кстати, помнишь семью Кварты? У них сейчас небольшие трудности. У них во владении есть одна вилла, полуразрушенная, правда, но Танкреди всё равно должен её обязательно посмотреть. Она стоит по крайней мере миллионов пятнадцать, но, думаю, я смогу скинуть до двенадцати.

– Так что, можно узнать, устроил твой любимый Танкреди?

Отвлечь её не получилось.

– А... да... – Давиде смирился, что ему всё же придётся отвечать. – В общем, из-за него поссорилась одна пара. Двое друзей из клуба, кажется...

– Он был их другом?

– Не совсем. Он поступил опрометчиво...

– Ну, помирятся. Вот уж проблема.

– Ага...

Сара вернулась в гостиную. Давиде поднял плечи. «Помирятся... после таких фотографий... Да уж конечно, это будет самый лёгкий развод всех времён».

Сара начала раскладывать раскиданные по дивану журналы. Она сложила их на низенький журнальный столик перед телевизором:

– Я припоминаю, что это не первый раз, когда он рассорил пару. Я видела то же самое на море, на Таволаре, когда мы жили на его роскошной яхте.

– Он её продал.

– Ага, правильно сделал. Наверное, годовое содержание стоит уйму денег...

– Триста тысяч евро, кажется. Но он уже взял другую, побольше.

– О... В общем, он рассорил ту пару, которую как будто для этого специально пригласил. А ведь какие они были! Красивые, молодые, кажется, были так влюблены друг в друга, она ждала ребёнка... Ты помнишь эту историю?

– Смутно.

– Ага, конечно... Ты помнишь только то, что тебе удобно. Они оба сошли с яхты после яростной ссоры. Они подрались в своей каюте.

– А ты откуда знаешь?

– Я знаю, потому что наша была соседняя. Когда они сходили, Танкреди стоял на мостике. Пил что-то и смотрел на них с таким видом, который меня очень поразил.

– Что он такого делал?

– Он улыбался.

– Да нет, вечно ты всё преувеличиваешь.

– Это ты вечно всё преуменьшаешь. Он как будто желает несчастья всем вокруг, как будто он никого никогда не любил, как будто его раздражают все, кто счастлив... А уж особенно счастливые парочки. Вот, и он будто хочет их разрушить любым способом. Разве не странно?

Давиде попытался немного понизить градус этого разговора:

– Ну, если ты всё это так видишь...

– Я не могу по-другому на это смотреть. А у него, на удивление, все любовные романы длились очень недолго.

«Ага», – подумал Давиде. У него были известные женщины, актрисы и самые лучшие модели. Однажды в передаче он увидел сомелье, которая рассказывала об особенностях сортов её винограда, растущего в Австралии. Она была дочерью какого-то магната, начавшая заниматься винами ради развлечения, и очень преуспела в этом. Через Грегорио Савини он узнал о ней всё, что ему было нужно. Затем он вылетел и весьма удивил её, приземлившись на вертолёте недалеко от её виноградников. На первом холме, где рос её виноград, он накрыл небольшим столиком льняными скатертями и уставил его разными итальянскими блюдами, включая, конечно, лучшие итальянские вина. Она случайно наткнулась на него во время прогулки. Сначала она растерялась, затем улыбнулась, он её рассмешил и в конце концов завоевал. На следующий день он ушёл, оставив ей одну розу и записку: «Твои вина – самые восхитительные, а ты сама – прекраснее самого волшебного сна...» Но она его больше не видела.

«Она такая же, как и все его предыдущие женщины, – подумал Давиде. – Такая красивая, что её невозможно забыть». Но и этого не стоило рассказывать Саре.

Он принялся пить и улыбнулся себе, потому что пришёл к странному выводу об отношениях: в основе брака лежит то, насколько быстро ты понимаешь, что стоит говорить, а что нет. Он сделал глоток своего «Талискера»³.

– Была у него одна серьёзная история в лице...

Сара ушла в спальню и принялась раздеваться:

– Да, точно. Как её звали?

– Олимпия Диаманте.

Она сбросила одежду на землю и зашла в душ:

– Ты прав, точно...

– Это как раз в то время мы познакомились, – продолжил Давиде из гостиной. – Чем, интересно, сейчас занимается Олимпия Диаманте...

Давиде появился на пороге ванной:

– Танкреди в неё по уши влюбился. Я так хорошо помню, будто это было вчера...

Сара включила воду и подставила голову под струю, чтобы не слышать того, что он говорит.

Но Давиде не сдавался:

– В то время Танкреди ведь тебе нравился, правда? Ты к нему по-другому относилась...

Сара вылила на голову шампунь, и он медленно покатился по её волосам. Затем она ополоснула их и продолжила мылить голову:

– Что? Я тебя не слышу...

– О'кей, ничего! Не важно! – Давиде повысил голос, чтобы она услышала. – Я пошёл в гостиную!

– Хорошо!

Это была неправда. Сара прекрасно его услышала. Но не было ни толики правды в том, что она говорила ему о Танкреди.

---

³ Виски.

Глава седьмая

– Кто тебя впустил?

– У меня есть свои методики.

Сара хитро улыбнулась, как бы на что-то намекая. Танкреди продолжил плавать. Сделав несколько гребков по большому крытому бассейну, он остановился возле джакузи и включил его. На бортике стояли бутылка «Cristal» и один бокал, наполненный шампанским.

– Будешь?

– У меня позавчера был день рождения.

Танкреди улыбнулся:

– С прошедшим.

– Ты ведь знал и специально меня не поздравил.

– Я правда забыл, прости.

Сара наклонилась к краю, чтобы рассмотреть его как следует и понять, не врёт ли он.

– Ты знаешь, меня ведь на психологии учили, как можно распознать, врёт человек или нет.

– Ого, и как же?

– Достаточно посмотреть на язык тела: глаза смотрят в сторону, руки не могут найти себе места, сам человек ёрзает на стуле и трясёт ногой.

– Да я же плаваю!

– Говорит много, возможно, в агрессивной манере...

– И что?

– Ты врешь. Ты знал, что у меня был день рождения и специально не поздравил. Хотя, может, это для того, чтобы завлечь меня в этот бассейн?

– Сара, если бы я был настолько умён, я был бы другим человеком.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего. Иногда я говорю бессмысленные вещи.

– Неправда, у всего сказанного есть свои причины.

– Этому тебя тоже на психологии научили?

– Видишь? Ты надо мной насмехаешься. Найдётся тут для меня купальник?

– Да, в раздевалке.

Сара пошла в сторону двери в конце бассейна, на которую указал Танкреди. Но прежде чем войти, она обернулась, взглянула на него ещё раз и улыбнулась. Когда она была маленькой девочкой, она часто устраивала шалости: всё время думала о том, как бы что-нибудь проверить или хотя бы заставить всех поверить, что она что-то провернула. Затем она закрыла за собой дверь раздевалки. Танкреди вылез из воды, подошёл к старинному шкафу и вытащил ещё один хрустальный фужер. Он наполнил его шампанским и поставил бутылку обратно в ведро со льдом.

«Кто её впустил?» – он посмотрел сквозь панорамное окно: там виднелись виноградники и несколько освещённых полей вокруг других поместий. Трава на полях была только что скошена, даже кусты роз были идеально ровными. Вдалеке стояли два больших дуба, между которыми пробегала тропинка, выложенная белыми камнями и затем терявшаяся среди низких холмов. Там же стоял домик сторожей. Помимо охраны на вилле работали три горничные, повар, водитель и, естественно, Грегорио, правая рука Танкреди. Ему было около шестидесяти лет, но телосложение у него было худощавое, так что нельзя было сказать наверняка. В одном он был уверен – его никак не могли оставить в покое. Это его раздражало. Очень сильно. Танкреди хотел жить в полном одиночестве, чтобы только он решал, когда нужно с кем-то уви-

даться, когда можно устроить праздник, на котором все будут веселиться или, по крайней мере, притворяться, что веселятся.

Он налил ещё немного шампанского и сделал глоток. Затем наполнил второй бокал, поставил его рядом с другим на край джакузи, положил бутылку в ведёрко со льдом и медленно соскользнул в воду. Как раз в эту секунду открылась дверь раздевалки и оттуда вышла Сара. Она собрала волосы и теперь казалась ещё моложе. Стало хорошо видно её тёмно-синие глаза, лицо открылось и казалось ещё более нежным и каким-то более красивым. На ней был махровый банный халат цвета индиго, такой широкий, что она казалась в нём совсем крошечной.

«Интересно, что за купальник она выбрала, – сразу подумал Танкреди, – слитный или бикини? Тёмный, светлый или цветной?» Там было миллион разных купальников всех размеров. Он специально поставил шкаф с абсолютно новой, не ношенной одеждой для мужчин и женщин. Все вещи подобрала Арианна, его личный стилист, которая заботится о том, чтобы каждая деталь его жизни была изысканна и эксклюзивна. Это, конечно, не касалось ужинов и его собственного гостеприимства, которые, разумеется, и так были идеальными.

Арианне было около пятидесяти лет. Это была полная элегантности женщина, но в то же время очень сдержанная, почти строгая. Она обожала свою работу и не любила появляться на публике. Вся её работа проходила, как она сама выражалась, за кулисами. Только неустанный труд даёт безупречный результат. Она была замужем за одним очень богатым англичанином, с которым виделась время от времени на выходных или во время летнего отпуска. Хотя Танкреди всему этому не верил. Он считал, что она была из тех, кому нравятся молодые девушки. Она всегда весьма сдержанно отзывалась о нарядах его пассий, но он замечал, как она восхищается их красотой. Пару раз он даже видел, как она очарованно наблюдает за ними, возможно, тая в глубине души горячее желание.

Но, разумеется, она не могла впустить нежданную гостью. Он снова посмотрел на Сару. Она остановилась у края бассейна, рядом со стеной. Протянув руку, она нащупала выключатель и приглушила свет. В голове Танкреди мелькали вопросы: какая у нее фигура? грудь большая или маленькая? а что насчёт ног или попы? На самом деле он никогда не разглядывал её особенно внимательно, но не потому, что она была непривлекательна, совсем наоборот. Причина была очень проста. Это была девушка его лучшего друга. Но Сара такие мелочи не беспокоили. А уже через мгновения она ответила на все вопросы Танкреди. Она развязала полотенце, и оно упало на землю. Она была голой.

– Я не нашла подходящего купальника.

Это было не то же самое, что ей ничего не понравилось или не подошло размеру, нет. «Не нашла подходящего купальника». Это хорошее оправдание. Она стояла слегка расставив ноги и вытянув руки вдоль тела. Приглушённый свет подчёркивал совершенство её тела, её длинных, худых ног, тонкой талии, её пышной, настоящей груди. Чуть ниже промеж ног виднелся идеально выстриженный треугольник волос. Танкреди понял, что уставился на этот треугольник, и поднял взгляд. Сара была другой в этот раз, она в гораздо большей степени была женщиной.

«Тут и делать нечего, все мужчины одинаковые», – подумала она. Она расставила ноги самым провокационным образом, сняла резинку с волос и бросила её на землю. Она встряхнула головой, распуская волосы, затем улыбнулась и нырнула в воду. Задержав дыхание и оттолкнувшись от дна, она выплыла недалеко от Танкреди.

Свет ламп, теперь более спокойный, тихо скользил по воде. Эхом по закрытому бассейну раздавался один-единственный звук – их дыхания. И их молчания. Сара снова погрузилась под воду и, вынырнув, пригладила волосы назад.

– Ну и?.. – улыбнулась она, чувствуя, какой силой обладает её нагота. – Даже не предложишь мне шампанского?

Она подплыла к краю, облокотилась на него и пошевелила ногами, чтобы приподняться на воде. Свет под водой двигался вместе с ней. Танкреди сделал пару небольших гребков назад

и попал внутрь широкого джакузи. Он потянулся, чтобы взять фужер с только что разлитым шампанским, но не успел повернуться, как Сара оказалась рядом с ним. Она улыбнулась, медленно шагая по дну, а затем села рядом, взяв бокал:

– Благодарю... – И она тут же залпом выпила его. – Очень вкусно. Мм... такое холодное, идеально...

Пока она говорила, то поддвигала ноги в его сторону и в конце концов прижала их к нему.

– Не нальёшь мне, пожалуйста, ещё немного?

Танкреди обернулся и снова наполнил бокал. Затем он почувствовал, как руки Сары обнимают его сзади.

– У тебя такой сильный пресс...

Руки двигались медленно, пальцы скользили по кубикам на его животе. Он повернулся и протянул ей бокал.

– Спасибо... Перед некоторыми вещами невозможно устоять.

Он улыбнулся снова, на этот раз гораздо дольше обычного, затем сделал несколько медленных глотков только для того, чтобы скрыть свои глаза. Медленно правой рукой Сара продолжила гладить его живот, опускаясь всё ниже и ниже. Она не сводила с него взгляд. Затем она добралась до трусов. Она стала играть с завязочками, осторожно потянула за одну из них, распуская узел. Её пальцы продолжали играть с поясом, оттягивая его по чуть-чуть. Сначала указательный, затем средний, все они проникли в купальные трусы.

Тогда Танкреди спросил её с вызовом:

– А что Давиде делает сегодня?

Сара остановилась, вытащила руку, сделала большой глоток, допив шампанское, и поставила бокал на бортик бассейна. Затем она положила голову на край:

– У твоего друга, кажется, была очередная встреча в Милане сегодня, а завтра ещё одна. Новые здания, новый бизнес, а значит, новые обязательства. – Она хитро на него посмотрела. – Но это всего лишь значит одно, что я могу остаться у тебя.

Она чуть приподнялась из воды, показывая грудь. Приблизившись к нему, она взглянула ему прямо в глаза. Грудь её была пышная, упругая, соски набухли, стали твёрдыми от прохладной воды и возбуждения. Она встала на четвереньки и медленно приближалась к Танкреди, запуская его ноги под своё тело. Вплотную она приблизилась к его лицу, нырнула и стала спускать с него плавки. Но вдруг сильные руки Танкреди остановили её, вытащив наружу.

Он выскользнул из-под неё и отплыл в другой конец джакузи:

– Сколько лет ты уже с Давиде?

– Два года. Но я влюблена в тебя по крайней мере лет пять.

– Женщины любят быть влюблёнными. Иногда даже когда это безответно. Так даже лучше.

– Почему?

– Они становятся более распутными.

Сара рассмеялась ему в лицо:

– Ты меня не ранишь, Танкреди. Ты нравился мне ещё в лицее, когда встречался с той красоткой. Как там её звали?

– Не помню.

– Я не верю тебе, но в любом случае скажу – Олимпия. Я ненавидела её и завидовала ей не потому, что она красавица – я была очень самоуверенна и всегда знала, что могу соперничать с кем угодно, – а потому, что ты был её.

– Я не был её. Мы спали вместе, вот и всё.

– Так ты всегда был ничей?

Танкреди промолчал. Он подплыл к бортику, сделал несколько маленьких глотков шампанского и улыбнулся:

– Ты пришла брать у меня интервью? Ты знаешь, что в Голландии есть девушка, которая рассказывает прогноз погоды голой? Ничего нового ты не придумала.

Сара выпила немного шампанского и села рядом с ним. Теперь она пила медленно.

– Значит, ответ «нет». Ты всегда был ничей. Никогда не был влюблён. Все эти прекрасные женщины были у тебя просто для секса. Но тогда почему ты со мной этим вечером? Я люблю тебя точно так же, как и все они, если не сильнее. Слушай, мне кажется, что я даже связалась с Давиде, только чтобы видеть тебя чаще.

Сара допила, приблизилась к нему и попыталась поцеловать. Танкреди и не пошевелился, сжав губы и оставшись сидеть с раскинутыми по бортику руками.

Постепенно Сара теряла энтузиазм, её порыв и желание угасли. Она перестала его целовать. Молча она оторвалась от него, опустила голову и почти шёпотом спросила:

– Чем я отличаюсь от других?

На этот раз Танкреди ответил:

– Ничем. Только тем, что ты с Давиде.

Сара посмотрела на него в последний раз и вышла из воды. Не оборачиваясь, голая, она пошла к раздевалке. Танкреди без сожаления проводил её взглядом, а затем начал плавать. Он доплыл до края бассейна, перевернулся через голову и продолжил путь. На полпути он услышал, как хлопнула дверь, но продолжил плыть как ни в чём не бывало.

На следующий день в десять утра Грегорио уже знал, кто впустил Сару. Но и не только это. Обыскивая её комнату, он обнаружил несколько важных деталей. Это была правда – Арианна действительно любила женщин. Английский лорд, появлявшийся время от времени на выходных, действительно существовал, но он был всего лишь прикрытием.

– Я подумала, что, может, это подруга, которую он будет рад видеть.

– У Танкреди нет друзей.

– Да, ты прав, но...

– Когда я отчитываю провинившегося, надежда на то, что я ошибаюсь, всё ещё остаётся. Ты можешь это доказать?

Арианна промолчала. Она развернулась, вошла в свою комнату и стала собирать вещи. В четверть двенадцатого её уже не было на вилле.

В полдень Грегорио нашёл нового стилиста. Людовика Биамонти, пятьдесят пять лет, замужем, мать двоих детей, живущих за границей. Всё это Грегорио очень тщательно проверил.

В обед Людовика Биамонти уже имела на руках список людей, которым Танкреди доверял, список тех, кого категорически следует избегать, и перечень всей его собственности за границей и в Италии. Она была счастлива такой работе, а от зарплаты у неё кружилась голова.

Во второй половине дня Людовика Биамонти поняла, что ей понадобятся по крайней мере два дня, чтобы разобраться во всех богатствах Танкреди Ферри Мариани. Ему было чуть больше двадцати, когда его дед оставил ему наследство примерно в сто миллионов евро, и с тех пор его состояние только увеличивалось. Инвестиции, новые компании во всех частях мира, занимающиеся древесиной, топливом, золотом, драгоценностями и разным сырьём – любыми ценными товарами, стоимость которых на рынке может только расти. Он создал несколько групп, которые состояли из избранных, доверенных лиц, и строго организовал их так, чтобы каждый контролировал то, что делают его подчинённые. Прошло больше двенадцати лет, и помимо покупки десятков объектов недвижимости он купил все виды транспорта, от реактивного самолёта до простого «Harley Davidson». Когда Людовика Биамонти закрыла последний документ и выключила компьютер, она сожалела только об одном: за свою работу она могла попросить больше, гораздо-гораздо больше.

Глава восьмая

Сара вышла из душа и закуталась в халат. Она положила полотенце на голову, наклонилась перед зеркалом и стала вытирать волосы. Сколько лет прошло с того вечера в бассейне? Два. Нет, три. И всё же казалось, будто это произошло вчера, секунду, мгновение назад. Сильное, горячее ощущение растеклось внутри её живота. Тень её вожделения, которое она скрывала до того вечера. А после уже не могла этого делать. Она разоблачила себя, рассказала обо всём, она оголилась перед ним, и не только сбросив с себя полотенце, а обнажив сердце и душу. Она хотела, чтобы он взял её в тот вечер, использовал, любил её. Он. Только он. Безнадёжно он. Она хотела умереть у него на руках, погасив тем самым навсегда эту влюблённость, появившуюся на свет словно издёвка, подпитываемую годами желанием и окрепшую наконец и превратившуюся в безумную, злую страсть. Он! Она хотела его и больше никого и, возможно, была единственной, к кому он никогда не притронется. Из-за Давиде. Из-за Давиде, за которого она выскочила замуж год спустя назло Танкреді, чтобы каким-то образом изменить его отношение. Танкреді и его отстранённое, холодное, высокомерное к ней отношение.

Она сделала из своей свадьбы событие года. Притворяясь влюблённой, она позаботилась о каждой мелочи – от драгоценных обручальных колец из платины до самых изысканных блюд в меню, от бонбоньерок из лёгкого хрустала с острова Мурано с настоящими лепестками роз внутри до аренды виллы Сасси недалеко Турина. А ещё об оркестре из шестидесяти музыкантов, о самом популярном на тот момент певце и о разнообразнейшем выборе музыкальных композиций, от классики до джаза, от семидесятых и восьмидесятых до самых последних хитов.

Она заставила своего отца, очень богатого человека, владельца компании, производящей арматуру для всего мира, потратить всё до последнего евро.

Но не затем, чтобы поразить и осчастливить Давиде, вовсе нет. Чтобы Танкреді всё понял – кто она такая? Она думала, что потом всё будет как в самых красивых сказках или фильмах: в тот момент, когда она будет стоять у алтаря, Танкреді ворвётся в церковь. Он попросит у неё прощения за ту ночь в бассейне, за ту ошибку, которую он совершил, за то, что он не понял её вечной любви, за то, что оттолкнул её. И так, на глазах у всех, в том числе на глазах его друга Давиде, без всякого стыда, поскольку любовь не знает, что такое стыд, он возьмёт её под локоть и сбежит с ней от поражённых гостей, по-своему завлечённых этой сказкой на современный лад о тайной любви и о внезапно вспыхнувшей страсти.

Но ничего из этого не произошло. Когда она шла в своём роскошном свадебном платье до алтаря, сопровождаемая отцом, она отыскала Танкреді. Они столкнулись взглядами и долго смотрели друг на друга, пока она шагала по ковровой дорожке, по краям которой были разбросаны необыкновенные цветы. Он улыбнулся ей, стоя в первом ряду рядом с отцом Давиде.

Перед свадьбой Танкреді сказал Давиде, что, возможно, не сможет прийти. Несколько дней спустя – правда, Сара узнала об этом несколько позже – он перезвонил Давиде, подтвердив своё присутствие и даже сказав, что будет счастлив быть свидетелем.

– Ты уверен?

– Конечно, если тебе этого хочется и ты не пообещал кому-нибудь другому. Только у меня есть одна просьба. Я бы хотел, чтобы это стало сюрпризом для всех, в том числе и для Сары.

– И для неё? Почему?

– Ты хочешь, чтобы я пришёл? Тогда сделай так, чтобы никто заранее об этом не узнал.

– Обещаю. Даю слово.

И Давиде его сдержал. Так день, который должен был стать самым прекрасным днём в её жизни, обернулся страшным кошмаром. Когда она произносила своё «да», мечта всей её жизни

стояла позади неё, и она была уверена, что прощается с ней навсегда. И когда она выходила из церкви, ей показалось, что он злорадно улыбается.

– Дорогая?

Сара перестала сушить волосы:

– Да?

– Я забыл, мы устраиваем ужин в субботу?

– Да.

– А кто будет?

– Салетти, Мадиа, Аугусто и Сабрина...

– Что скажешь, если я позову Танкреди со своей подругой?

Сара на секунду замолчала.

– Конечно... Танкреди, разумеется, не сможет. Ты заметил, что он никогда не бывает с нами вместе? Он видится только с тобой.

Давиде на секунду задумался.

– Это неправда, в тот раз в гостях у Ранези мы были вместе.

– Ну конечно, мы приехали и так и не увиделись – там же было около двухсот человек!

– Мне кажется, у тебя какая-то навязчивая идея. В общем, если ты не против, я попробую ему позвонить.

– Конечно, пожалуйста, я тоже буду рада. Но вот увидишь, он скажет «нет». И придумает оправдание, чтобы не приходить.

Давиде проигнорировал её последнюю фразу. Он взял телефон и набрал личный номер Танкреди. Этот номер был только у него, ну и у Грегорио, естественно, что было показателем его необыкновенного уважения и дружбы.

– Привет! – Он ответил сразу после первого гудка. – Что задумал, Давиде? Какое дельце для себя и надувательство для меня хочешь предложить?

Давиде решил начать с шутки:

– Понял, тогда позвоню Паоли, без проблем...

Паоли был бизнесменом, с которым Танкреди вроде как соперничал. Танкреди, хотя и терпел убытки, всегда побеждал. Часто все его вложения были сделаны скорее на спор, чем по какой-либо иной причине. В долгой перспективе они приносили такую прибыль, что становились сокрушительными для других предпринимателей. Это невероятно, но всё, к чему ни прикасался Танкреди, становилось золотом.

– Паоли? – засмеялся Танкреди. – А у него опять появились деньги? Тогда наверняка это какое-то небольшое дело. Одно из тех, которые тебе так нравятся: покупаешь, быстро продаёшь и по ходу чего-то там зарабатываешь...

Давиде рассмеялся. На самом деле такой бизнес может работать. Нужно только иметь несколько ликвидных средств и человека, который вскоре купит всё дело, которое ты построил.

– Нет-нет... В этот раз вкладываться сильно не надо. Максимум принесёшь бутылку вина или цветы для хозяйки. Мы хотим пригласить тебя в субботу вечером, у нас будет ужин, придут Салетти, Мадиа, Аугусто и Сабрина, которые, как мне известно, тебе нравятся...

Давиде сделал паузу. Он подумал, что Танкреди может принести «Cristal» или даже две, потому что будет много человек. Но это не главная причина, почему он его приглашал. Ему действительно было приятно с ним повидаться, а особенно – рассеять каким-нибудь образом абсурдные убеждения Сары...

Танкреди по ту сторону телефона поднялся из-за стола и взглянул в окно. Золотые Ворота вбирали в себя весь свет сияющего над заливом Сан-Франциско солнца. Чуть позже вместе с Грегорио он пойдёт на обед в ресторан Фрэнсис Форда Копполы, чтобы попробовать последний

урожай его вина «Рубикон». Он поговорит с ним лично, поскольку хотел бы начать совместное производство с его рестораном «Zoetrope» и профинансировать его следующий фильм. Вдруг у них получится договориться? Он знал, что для Копполы была гораздо важнее личная симпатия, нежели деньги или бизнес. «Так ещё лучше, – подумал Танкреди, – это легко, я ему понравлюсь». И, пользуясь своим воображением, он вошёл в мир кино и представил себе следующую сцену.

Камера движется по рельсам, приближаясь к двери квартиры. Затем тормозит. Крупным планом рука, звонящая в звонок.

В доме Сара прекращает расставлять посуду для обеда на стол и выходит в гостиную:
«Я иду».

Она открывает дверь, не спрашивая, кто там. Она открывает дверь, и перед её носом оказывается огромный букет розовых роз, украшенный по краям маленькими беленькими цветочками.

Внезапно входит Танкреди: «Привет... Давай забудем о той ночи?»

Сара молча стоит перед ним. Средний план кадра медленно сменяется на крупный план. Музыка подчёркивает напряжение от ожидания её ответа...

Танкреди посмотрел в ежедневник, лежащий на столе:

– Ты говоришь, в шесть часов?

– Да.

Он пробежал пальцем по записанным делам. Встреча в клубе, но ничего важного, к тому же он, кажется, её уже отменил. Затем снова вообразил себе сцену с цветами. Сара всё ещё молча стояла на том же месте. Вдруг она покачала головой: «Нет. Не забудем».

Танкреди глубоко вздохнул:

– Прости, Давиде, я проверил ежедневник, я буду за границей. Может, в следующий раз получится.

– Ага, жалко.

– Передавай Саре мой пламенный привет и извинись за меня перед ней.

– Конечно. – И он положил трубку.

Давиде очень хотелось ему сказать, что «Сара так и знала».

– Ну, так что, придёт он или нет? – показала Сара у него за спиной.

– Нет, но я вспомнил и сам тоже, что он мне уже говорил... У него будут дела.

Сара улыбнулась:

– Вот видишь. Он не хочет видеть нас обоих.

Давиде подошёл к ней, развернул её и обнял:

– Дорогая, я прошу тебя, не думай ты об этом. Танкреди мой лучший друг, и он никогда бы ничего подобного не сделал.

– Чего?

– Не любил бы тебя.

Сара секунду помолчала.

– И такое случается. Иногда динамика отношений может быть очень непредсказуема.

Давиде отпустил её и сел на диван. Он взял пульт и включил телевизор:

– Знаешь, я всегда думал, что это Танкреди тебе не нравится.

– И почему же?

– Не знаю, просто ощущение такое. С одной стороны, я расстраивался, но с другой – был очень рад.

– Почему?

– Потому что я думал, что наконец встретил женщину, которой не нравится Танкреди, которой он даже неприятен. Если бы он тебе нравился, то, наверное, он бы наплевал на нашу дружбу, мою и его, забил бы на меня, придумал что-нибудь и добавил бы тебя в свою частную коллекцию... – Затем он посмотрел на неё и улыбнулся: – И тогда я бы умер.

Сара замерла посреди гостиной и молчала. Давиде продолжал на неё смотреть. Чем дальше, тем всё более странной становилась ситуация. А она задавалась вопросом: сможет ли она выдержать этот разговор?

– Он мне не неприятен. Мне он безразличен. Скажем, мне не нравится, как он ведёт себя в некоторых ситуациях. Но, в любом случае, он твой друг, и если тебе нравится с ним общаться...

Сказав это, она вышла на кухню.

Давиде сменил канал, а затем решил ещё немного порассуждать:

– Вспомни, как сильно он изменился после истории с его сестрой!

Сара присела за стол. Она вдруг почувствовала себя опустошённой. Это случилось как раз в тот день, когда она поняла, что любит его. Ей захотелось заполнить образовавшуюся внутри него пустоту. Прошло уже столько лет, но страсть Сары даже и не думала угасать. Может, этого никогда и не произойдёт. Одна вещь ей была ясна наверняка: её муж Давиде прекрасно управлял недвижимостью, но был ужаснейшим психологом.

Глава девятая

– Не так. Видишь, ты не выдержишь темп?

София сделала глубокий вздох. На занятиях с Якопо требовалось много терпения. Очень много терпения. Но даже такие уроки были ей важны, а заработок необходим.

– Но тогда получается слишком медленно, понимаешь?

София улыбнулась:

– Но если он так написал, так придумал, так себе представлял, значит ему нравился такой темп, как думаешь? Посмотри внимательно: шестьдесят четвертей в минуту! А тут вдруг появляешься ты, спустя двести лет после того, как Моцарт написал свою сонату до мажор, и гонишь как на Формуле-один. Даже великие музыканты играют это произведение очень медленно. Медленно и точно, Якопо.

Якопо улыбнулся. Ему нравилась София, она была не такая, как все его предыдущие учительницы, она была гораздо приятней, а ещё моложе и, самое главное, красивее.

– О’ке-е-ей... – Якопо долго протянул это «о’кей». – Но сейчас постоянно переигрывают старую музыку по-новому! Мне кажется, так можно делать! Ты слышала, как сыграл «Канон» Funtwo на электрогитаре? Даже в моей новой игре офигенно играют, хочешь послушать?

Он поднялся, засовывая руку в карман штанов, чтобы достать оттуда бог знает что.

– Я верю тебе, – сказала София, возвращая его на стул. – Но твоим родителям не понравится, если я буду играть с тобой в игры...

– Ага, потому что ты проиграешь.

– Честно, мне всё равно. Они хотят, чтобы к следующему Рождеству ты мог сыграть хоть одно произведение от начала до конца без миллиона ошибок! Но сейчас... – она потрепала его за волосы, – это кажется очень маловероятным. Давай начинай с анданте, – София ткнула в верх листа, указывая на ноты, – и держи темп.

– Ладно.

Якопо устался в точку, которую указала София, и начал играть оттуда. Пару раз он выпячивал губу вперёд, чтобы сдуть волосы с лица. Они упали ему на лицо из-за Софии, после того как она их потрепала. На самом деле он ненавидел, когда его волосы трогают, а особенно когда это делали дедушка или папа. Но когда их трогала София, ему не было неприятно. Очень странно. Ему надо было выучиться играть это произведение получше, даже если это значило играть Моцарта медленнее. «Если ей так нравится, значит, и Моцарту так нравилось», – думал он про себя. Он сконцентрировался и почти ни разу не ошибся, пока играл все четыре страницы.

– Браво! Вот! Вот так очень хорошо!

София притянула его за плечи. Якопо чуть не упал с табуретки, но был счастлив уткнуться в её рубашку, почувствовать вкусный парфюм и больше всего – прижаться к её мягкой груди.

– Хорошо... – София мягко отстранила его, когда поняла, что она его обнимает дольше, чем следует. – Тогда увидимся на следующей неделе.

– Ладно...

Якопо встал, снял куртку с вешалки, а потом ему пришла в голову очень обрадовавшая его мысль. Может, ему пришла идея, как можно с ней поиграть?

– О, София, а ты есть на Фейсбуке?

София тоже одевалась.

– Нет.

– А в Твиттере?

– Нет.

– Короче, тебя нельзя нигде найти?

Якопо расстроился, потому что никак иначе он не смог бы узнать, сколько ей лет или что ей нравится, в целом узнать о ней побольше, а может, даже и написать ей.

– Я тебе скажу только одно, Якопо. У меня есть дома компьютер, но, по правде говоря, я им почти не пользуюсь.

Единственным, кто им пользовался, был Андреа. Это был его способ выходить в свет, связываться с друзьями, видеть людей, смотреть кино, узнавать новое. Жить. Только так он мог это делать. Но этого точно не стоило говорить этому мальчугану.

– О'кей, – поднял плечи Якопо. – Жаль. Ты не понимаешь, сколько всего упускаешь. Там же новый мир, новая эра... – В качестве реванша и чтобы оставить за собой последнее слово, он сказал: – Вот почему тебе кажется, что медленно играть правильно: ты живёшь в аналоговой эре.

– Да-да... – смеясь, спускалась по лестнице София. – Передавай привет родителям. До среды!

В целом этот парень ей нравился, ему было десять лет, и он и вправду был очень смышлённым и забавным. У него даже были манеры настоящего мужчины. Она бы хотела иметь такого ребёнка. Мальчика. На мгновение эта мысль показалась ей такой далёкой, словно она никогда об этом не мечтала и не планировала в детстве, как всё будет. На самом деле она спланировала всё. Да так, что её даже дразнили подруги! Как они её там звали? А... да, «счётная машинка». Но вот однажды всё это просто испарилось. Как будто бы огромный корабль был готов отчаливать, отправляясь в кругосветное путешествие. Словно он был полон провизией всех сортов – от шампанского до минеральной воды, от сыра до сладостей, от бургундских до австралийских вин. А потом вдруг стоп! Корабль сел на мель, и никакой силой, никакой скоростью его уже нельзя было вытащить из песка. Он не шёл ни вперёд, ни назад, как и её закованная в кандалы жизнь. Как не выстрелившее оружие. Как впустую лязгающее железо. Вот так. А её любовь к Андреа? Почему в последнее время она издавала этот глухой звук? Почему её сердце больше не слышало её любимой музыки?

Она подошла к автомату, чтобы взять кофе. Пока она пила, кто-то позвал её:

– София?

Она обернулась.

Её старая преподавательница по фортепиано стояла перед ней в тёмном коридоре школы, в которой много лет назад София сыграла свои первые ноты.

– Привет, Оля.

Оля, а точнее, Ольга Васильева преподавала вместе с ней в церкви Фьорентини и в консерватории. Она была русской и одевалась по-старинному: носила широкие юбки, накрытые сверху ещё одной юбкой, которую достали бог знает из какого сундука, уцелевшего, видимо, после переезда её семьи в Италию.

Обе женщины обнялись, затем Оля отстранилась, но всё ещё держала Софию за плечи.

– О чём ты думала?

– А что?

– У тебя был такой вид... где же твоя обыкновенная улыбка?

«На мгновение ты стала такой же старой, как и я», – хотела добавить преподавательница, но подумала, что это может её ранить.

– О, – улыбнулась София, – я думала о том, что забыла сделать.

– Или о том, о чём перестала мечтать? – Оля не дала ей ответить. – Тебе достался весьма особенный талант, а твоя наивность была особенно милой.

– Какая наивность?

– Ты думала, что то, что могут эти пальцы, совершенно естественно... – Она взяла её за руки. – Я никогда не забуду, как мы вместе готовили Рахманинова... Тебе было всего лишь шестнадцать. А теперь они вялые, уставшие, загубленные... А самое главное... – она посмотрела ей в глаза, – ты испытываешь чувство вины.

– Да нет, Оля... я ничего не сделала.

– В этом ты и виновата. Ты ничего не сделала.

София стала серьёзной:

– Я же сказала, что не буду больше играть. Я дала этот обет ради него, ради его жизни. Я молилась, и мне пришлось отказаться от самой прекрасной вещи в моей жизни. А отречься от всего остального было проще... Возможно, однажды он излечится, и тогда я вновь стану играть. Но, к сожалению, пока это невозможно...

В этом «пока» Оля увидела намёк на надежду, проблеск света, тот слабый огонёк, который оставляют в детской, чтобы дети не боялись ночью. Тогда она улыбнулась. Она всё ещё была девчонкой благодаря своему дару и, в ещё большей степени, благодаря любви к жизни. Она засияет вновь.

– Ты виновата, София, не потому, что отрёклась от музыки, а потому, что отрёклась от жизни.

Они молча стояли посреди коридора. Там, где София начала свои уроки в шесть лет, получив аттестат по фортепиано. Она единственная из всей музыкальной школы была способна сыграть «Трансцендентные этюды» Листа на память, не закончив ещё и девятого класса.

Оля была её основным преподавателем по фортепиано, и она не переставала испытывать бурю эмоций каждый раз, как за инструмент садилась София – многообещающая молодая итальянка, пианистка, способная поразить весь мир, о которой уже знали все вокруг. А она была всего лишь простой учительницей.

Затем Оля мягко на неё посмотрела:

– Даже брак или другие прекрасные истории кончаются, но из-за этого они не становятся менее важными. Мы всегда ищем виноватого, но случается так, что не виновен никто. Как и в твоём случае.

София опустила глаза, чтобы немного успокоиться, как бывает с пианистами, которые ждут, когда публика затихнет, и сосредоточиваются, прежде чем поставить руки на клавиши. Но в этот раз исполнения не последовало. Она просто улыбнулась, слабо, бессильно, но по своему твёрдо:

– Я не могу.

И она нежно посмотрела на учительницу, ища её прощения, но не находила его. Ольга не понимала.

София стала медленно удаляться по коридору, затем ускорила, сбежала по лестнице, добралась до двери, распахнула её и вышла из школы. Она оказалась на улице, среди людей, в свете дня. Она остановилась на площади. Люди проходили рядом с ней, перед ней, позади, не замечая её. Кто-то шёл к газетному киоску, кто-то заходил в бар, третьи гуляли и болтали друг с другом, другие ждали автобус на остановке. «Вот, – подумала она, – здесь я хочу быть. Чтобы меня не замечали, не узнавали люди. Мне не нужна слава, не нужен успех, я не хочу быть идеальной пианисткой, не хочу, чтобы кто-то думал обо мне, не хочу вопросов и не хочу искать ответы».

Она медленно зашагала, словно была невидимкой, не зная, что совсем скоро ей придётся столкнуться с самым сложным вопросом в её жизни. Ты хочешь снова быть счастливой?

Глава десятая

Лопасты вертолѐта шумно и быстро вертелись. Пилот повернул ручку управления немного вправо, подступая к последнему особенно заснеженному хребту.

– Прибыли. Лагерь там, внизу.

Грегорио Савини посмотрел в мощный бинокль, достающий до пяти тысяч метров. Небольшой лагерь казался словно нарисованным на фоне солнца, встающего чуть поодаль.

Пилот потянул ручку управления на себя и переместил несколько переключателей, готовясь к посадке. Лопасты замедлились. Грегорио следил за его движениями – он был профессионален, хотя и молод. После шестичасового полѐта на личном реактивном самолѐте Танкреди они приземлились в аэропорте Торонто и на вертолѐте отправились к горам вокруг Тандер-Бей. Они пробыли в воздухе почти четыре часа, и Грегорио чувствовал лёгкое недомогание. Кем он только не был в своей жизни: и частным наѐмником, и десантником, и командиром самолѐта, и даже пилотом вертолѐта. Он даже управлял вертолѐтом Sirosky S-69, за которым сидел сейчас молодой пилот, и именно поэтому ему так хотелось оценить его навыки. Долгое время в молодости он любил войну, работал наѐмником и успел узнать, что такое кровь, насилие, жестокость, настолько, что теперь это вызывало у него отвращение. Тогда он присоединился к сухопутным войскам, которые занимались проверкой и контролем возможных террористических атак. Это там он научился всевозможным способам перехвата данных, маскировки и разведки. Не было на свете человека, о котором Грегорио Савини не смог бы с лёгкостью узнать всё. Он построил сеть дружеских отношений, основанную на одолжениях и подарках, и потихоньку распространил её по всему земному шару.

Проект этой сети ему предложил Танкреди. Сначала он без особого энтузиазма отнёсся к нему, но затем понял, насколько для того это важно. Теперь эта самая сеть за короткое время удовлетворяла все их потребности, а любая проблема находила самый лёгкий путь решения. Тогда Грегорио пришлось изменить своё мнение, и с того дня он смотрел на этого парня другими глазами.

У Грегорио были прекрасные отношения с Танкреди. Он работал у них, когда Танкреди был ещё совсем маленький. Его отец нанял Грегорио в качестве наставника, телохранителя, водителя и в некотором смысле отца. Он прибыл в их дом, когда мальчику ещё не исполнилось и тридцати.

– Зачем тебе пистолет? – высунулся из окна в сад маленький Танкреди.

Грегорио уже давно заметил его, но притворился, что ничего не видит. Танкреди был самым младшим из троих детей, а к тому же и самый любопытный.

– Этот? – улыбнулся он, поднимая взгляд на мальчика в окне. – Он помогает научить плохих людей хорошим манерам.

Танкреди развернулся, выбежал через дверь и плюхнулся на соломенный стул в углу:

– А плохих людей много? Больше, чем хороших?

И уставился на Грегорио простодушным взглядом, с детской улыбкой на лице, с нетерпением ожидая ответа.

Грегорио закончил смазывать пистолет и всунул его в кобуру, которую носил под левым плечом:

– Их одинаковое количество. Плохие – это хорошие, которые иногда теряют то, во что они верили.

Танкреди понравился ответ, хотя он и ничего не понял.

– Тогда тебе надо выстрелить в Джанфилиппо. Он сказал, что мы поиграем в теннис, а теперь играет на корте со своим другом. Сначала он был хорошим, а потом стал плохим.

Грегорио погладил его по голове:

– Из-за такого не становятся плохим.

– Но он мне обещал!

– Тогда да, это немного плохо. Хочешь, пойдём посмотрим на лошадей?

– Да, я их люблю.

Они дошли до конюшни и провели там весь день. Они гладили молодого арабского жеребца, неизвестно откуда появившегося. Грегорио хорошо ладил с Танкреди, он всегда хотел ребёнка, и кто знает, может, жизнь ещё сделает ему такой подарок. Но для него с его стилем жизни это было бы непросто.

У него всегда были очень непродолжительные отношения, которые длились, пока он находился в одном месте. Конечно, вот уже несколько месяцев он работает в этой семье, они хорошо платили, ему нравилось место, так что, возможно, он останется тут дольше обычного. Может, он познакомится с девушкой и проведёт здесь остаток своей жизни.

Танкреди потянул его за куртку:

– Грегорио, можно я на неё сяду?

– Не боишься?

– С чего бы? Это моя лошадь, мне её папа подарил.

«Ага, вот, значит, как размышляет этот ребёнок».

– Но это не вещь. Это животное, а животные отличаются от людей. У них нет разума. Животное нельзя купить; если вы с ним поладите, значит, всё будет в порядке, а иначе оно никогда не станет твоим.

– Даже если я за него сам заплачу?..

Грегорио улыбнулся:

– Даже в этом случае.

– А как же нам тогда подружиться?

– При помощи любви. Смотри. – Он взял мальчика под руки, поднёс к жеребцу и медленно положил его руку на гриву. – Вот, погладь его, вот так.

Но как только Танкреди начал его гладить, жеребец заржал, внезапно подняв морду, так что мальчик, испугавшись, тут же отёрнул руку.

Грегорио Савини засмеялся:

– Ты же сказал, что не боишься!

– Это из-за того, что ты меня совсем запутал!

Грегорио опустил его. Он хитро посмотрел на мальчика:

– Держи, дай ему вот это. – Он подал ему немного сахара.

В этот раз жеребец вёл себя спокойней, и Танкреди удалось положить ему несколько кусочков в рот, прежде чем тот отвернулся. Примерно через неделю он уже сидел на лошади и катался в загоне перед конюшней. Грегорио следил за ними, держа жеребца за длинную верёвку, чтобы он ходил по кругу.

Постепенно Танкреди, ударяя его с силой пяткой, начал переходить на рысь:

– Эй, смотри, Грегорио... Она идёт, бежит... Работает!

– Помни, что животным нужна твоя любовь!

Пока жеребец бежал, Танкреди гладил его по шее и говорил ему что-то на ухо. Грегорио был рад, что научил его кататься на лошади. Это была первая вещь из многих, которым он научил Танкреди, но потом тот вырос и сильно изменился после смерти Клодин. В девятнадцать лет он решил навсегда покинуть виллу в Пьемонте, начал путешествовать и хотел, чтобы Савини везде его сопровождал. Может, поэтому Грегорио и оставил идею о сыне, потому что в каком-то смысле он уже нашёл его без всяких дополнительных сложностей вроде жены. Их

отношения укреплялись, даже несмотря на то, что между ними всегда присутствовала некая дистанция.

– Что ж, прибыли.

Лопасты замедлялись, пока лыжи вертолѐта касались земли, углубляясь в снег. Не успели они вылезти из вертолѐта, как старый индеец пришѐл их поприветствовать:

– Добро пожаловать! Как долетели?

– Прекрасно, спасибо.

– Вы, наверное, хотите отдохнуть немного. У нас есть две палатки полностью в вашем распоряжении. Внутри вы найдѐте самое новое обогревательное оборудование, как вы и просили. Я попросил принести вам кофты из флиса и микрофибры. Ступайте, пожалуйста, я подожду вас снаружи.

Танкреди взглянул на Грегорио и улыбнулся. Савини уже обо всѐм позаботился, о каждой мелочи и в самое короткое время. Этот человек был уникален. «Мне повезло», – подумал Танкреди и исчез внутри своей палатки. Когда чуть позже он вышел оттуда, Грегорио и индеец были уже готовы. Все трое сели в джип и по узкой горной дороге поднялись в гору.

– Меня зовут Пекин Пуа. По крайней мере, так меня зовут в здешних местах. Настоящее моѐ имя очень длинное, слишком сложное и бесполезное, потому, как я уже говорил, я привык к этому, так что если вы назовѐте меня другим именем, то я, может, и не откликнусь... Ах-ха-ха! – И он в одиночку рассмеялся несколько неуклюжим смехом, который в итоге перешѐл в кашель, намекая на его страсть к курению. А с другой стороны, на полное отсутствие чувства юмора.

Танкреди и Грегорио переглянулись. Грегорио развѐл руками, чувствуя свою вину за эту неудачную попытку устроить стендап. Танкреди улыбнулся ему – всѐ это тоже было частью прекрасного пейзажа. Джип ехал по узкой, крутой горной дороге. Солнце поднималось быстро, так что некоторые склоны совершенно внезапно освещались его лучами. Снег сиял и отражал розовый свет восходящего солнца, падавший в самые тѐмные и скрытые ущелья.

– Остановимся тут.

И все трое вышли из джипа.

Пекин Пуа закрыл двери и открыл огромный багажник.

– Наденьте вот это... – Он протянул Танкреди и Грегорио большие снегоступы.

Они тут же их натянули.

– А теперь возьмите вот это...

Он дал им то, ради чего Танкреди и прибыл сюда. Арбалеты из углеродного волокна. Лѐгкие, точные, смертельные. В колчан уже были вставлены десять стрел, а прицельная дальность смертоносного оружия достигала трёхсот метров. Танкреди прочитал о нём в статье, и мысль о том, что в Канаде появился такой вид охоты, очень взволновала его.

– Пойдѐм этим путѐм, и арбалеты держите наконечниками вниз.

Больше Пекин Пуа не шутил. Они медленно шли по каньону и с большим трудом поднимались на холм, усыпанный свежим снегом. Они шли больше часа, пока не достигли входа в небольшой каньон.

– Шш... – Пекин Пуа притаился за камнем. – Кажется, они здесь.

Потихоньку он поднял голову, выглядывая из-за камня. Он улыбнулся. Да, как он и предполагал. Они мирно паслись на небольшой поляне, собирая ягоды с кустов. Солнце стояло высоко и становилось теплее. Танкреди и Грегорио подошли к камню и посмотрели, куда указывал Пекин Пуа. И тогда они их увидели. Это была прекрасная пара белых оленей. Один быш больше, выше, грознее, у него были толстые и сильные рога, которые он то и дело просовывал

между кустов. Он встряхнул головой и чуть было не вырвал куст с корнем, настолько у него была крепкая шея. Но зато тогда его партнёрша могла есть ягоды, упавшие в снег.

Пекин Пуа посмотрел в бинокль, который носил на шее, и настроил его. Затем он посмотрел на цифры под линзами:

– Они больше чем в трёхстах метрах. Отсюда невозможно попасть.

– Трудно, но не невозможно, – сказал Танкреди, снимая арбалет с предохранителя.

Индеец улыбнулся:

– Да, почти невозможно. Можно надеяться только на удачу.

Танкреди присел, поднял арбалет и положил его на камень. Затем он взглянул в прицел и увидел в нём белого оленя. Красивый, невнимательный, наивный. Он продолжал бороться с ветвями куста под солнцем, почти сбрасывая их, танцуя своими рогами, выгибая спину, показывая Танкреди всю силу своего тела, своих диких ног, привыкших бегать по местным скалам. И тут он как будто что-то почувствовал. Он внезапно остановился. Поднял голову и уставился в одну точку. Он не двигался и не шевелился, что-то заподозрив. Олень дважды рывками развернулся, но снег слепил ему глаза и он ничего не видел. Тогда он беспечно вернулся к своему кусту.

Танкреди поставил палец на курок.

– Постой. – Рука индейца внезапно опустилась на арбалет.

Танкреди обернулся и уставился на него. Индеец не отрывался от своего бинокля.

– Смотри. – Он указал ему в том же направлении.

Танкреди посмотрел в прицел и сдвинул его на пару миллиметров. Рядом с двумя оленями он вдруг увидел маленького белого оленёнка. Тот неуверенно плёлся на своих ногах, скользил и падал носом в снег. Тогда мать ставила его на ноги и помогала ему, подталкивая снизу. В тишине солнце освещало эти заснеженные вершины.

Высокие сосны со снегом на ветвях то и дело шевелили ими. Можно было услышать звук водопада, приглушённый новым снежным покровом, улёгшимся под деревьями. Его лёгкое эхо разносилось по долине.

Семейство белых оленей было свободно, счастливо, полноценно в своём идеальном природном цикле: живи, питайся, размножайся.

Пекин Пуа улыбался, наблюдая за ними:

– Мы сможем найти другую особь чуть подальше. Выдвигаемся.

Танкреди легко покачал головой. Грегорио понял, что он хочет. Он остановил индейца:

– Мы пришли охотиться, а не сентиментальничать.

– Но...

– Мы платим вам огромные деньги не за излишнюю эмоциональность.

Спор мог бы продолжаться и дальше, если бы не внезапное шипение. Арбалет лишь слегка дрогнул, и стрела улетела. Пекин Пуа схватился за бинокль обеими руками, крепко сжал его и тут же поднёс к глазам, пытаясь проследить за болтом, надеясь, что Танкреди промахнулся. С трёхсот метров неопытный стрелок не мог попасть в цель. И всё же... Хоп! Безупречный образ – два молодых оленя, рядом с ними малыш, позади белеет гора, а деревья стоят укутанными в снег – в один миг треснул. Снег внизу этой картины начал краснеть.

Индеец опустил бинокль:

– Вы попали не в того.

Танкреди опустил арбалет:

– Нет. Попасть в него было сложнее всего. Я целился именно в него.

Маленький оленёнок согнул ноги и упал мордой на землю, оставляя след на снегу. Его череп был проткнут насквозь, и вокруг медленно образовывалась небольшая лужица крови.

Два взрослых оленя наблюдали за своим детёнышем, не понимая, что происходит. Охота была окончена.

– Давайте возвращаться в город.

Глава одиннадцатая

Рим. Холм Авентин. По улочкам, окружённым античными арками, в начале Аппиевой дороги, среди римских вилл и огромных древних валунов, бежал Танкреди.

Вокруг всё было зелено, погода стояла тёплая. Он старался держать себя в форме и занимался каждое утро, где бы он ни был: в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лондоне, Риме, Буэнос-Айресе, Сиднее. Бег отвлекал его: в это время он занимался расстановкой мыслей, организацией событий в течение недели, планов, желаний. Во время бега ему приходили в голову его лучшие идеи. Как будто бы постепенно они обретали форму, как будто всё становилось яснее с каждым шагом.

Он увеличил шаг. В его iPod mini последней модели играли самые успешные артисты со всего света: Шакира, Майкл Бубле, «Колдплей» – плейлист, который ему подобрала Людовика Биамонти. Она заняла место Арианны и уже больше трёх лет работала на него наилучшим образом. Она была идеальным личным стилистом и обладала безупречным вкусом. Она создала сеть людей, которые заботились о каждой мелочи жизни Танкреди. Воду, которую он любил пить, «Tu Nant», он мог получить в любом месте от Сицилии до Пьемонта, от Парижа до Лондона, от Нью-Йорка до крошечных островов Фиджи. Где бы он ни оказался, там обязательно должна была быть эта вода. То же самое касалось выбора вин, кофе и всех других продуктов, которые были протестированы, продегустированы и оценены, прежде чем занять своё место в разных домах. Но не только это. Каждый месяц в каждом доме проходила инвентаризация, во время которой проверяли, всё ли готово на случай, если Танкреди приедет, чтобы казалось, будто он никогда и не покидал это место, от свежего хлеба до молока, от местных газет до тех, что касаются международных дел.

Каждый год Людовика полностью меняла меблировку и обстановку во всех домах, устраивая всё по последнему писку моды. Во всех, кроме дома на Фиджи, где всё и так было настолько естественно красиво, что не требовало слишком сильных изменений. По проекту знаменитого архитектора вилла на Фиджи превратилась в настоящую жемчужину, инкрустированную в скалу, сливаясь в гармонии с зеленью острова. К дому прилегал естественный бассейн. Мурены, акулы и большие черепахи жили на его дне, но бассейн был отделён десятисантиметровым стеклом, так что Танкреди мог купаться в нём, словно внутри огромного аквариума, без каких-либо рисков.

Гостиная была отделана белым деревом, привезённым из бесконечных русских лесов. Танкреди уже много лет скупал там участки, многократно расширяя свою империю. Но никто не знал, что именно он владеет этими территориями. В глазах многих он был простым парнем тридцати четырёх лет, возможно, стильным и любившим красивые вещи, но никто и представить не мог, что он занимает одну из первых строчек в списке богатейших людей мира.

Людовика продумала всё, так что это жилище было очаровательно: элегантная гостиная, панорамное окно на природу вокруг, светло-серая мебель, идеально сочетающаяся с картинами «А, ты ревнуешь?» Поля Гогена и «Большой всплеск» Дэвида Хокни. В углу стояла скульптура Демьена Хёрста «Акула». Этот дом был создан для любви. Вот почему Танкреди так редко останавливался здесь во время своих путешествий. Он был культурным, богатым человеком, но тем, который не хотел любить. Этот дом, как и все остальные, никогда не слышал смеха счастливой любимой женщины, как не слышал он и смеха ребёнка. Однако Людовика Биамонти ещё не знала, что в одном она ошибалась.

Через год после того, как её наняли, Танкреди лично проверил всё своё имущество. Он внимательно изучил каждую деталь, от холодильников до новых занавесок, от ковров до полотенец, от простыней до посуды. Он долгое время был в разъездах и не вернулся, пока не посетил каждый дом. И только после этого он утвердил её в должности.

– Она идеальна, берём её! – сказал он Грегорио, но, выходя из кабинета, взглянул на того ещё раз: – Она действительно замужем, так? Мне бы не хотелось снова оказаться в бассейне с Сарой, – пошутил он.

Грегорио рассмеялся. Однако на следующий день он пошёл и лично проверил все документы, свидетельство о браке госпожи Людовики Биамонти с неким Клаудио Спателларо. Всё было верно, они поженились и в церкви, и в муниципалитете. Только тогда Савини смог вздохнуть с облегчением.

Внезапно раздался грохот. Будто бы предзнаменование судьбы. На чистом вечернем июньском небе... так неожиданно, грубо и мрачно. Этот звук тут же перевернул весь мир с ног на голову. Небо заволокло тучами, солнце скрылось, поднялся лёгкий ветер и скинул оставшиеся на деревьях листья. А затем вдруг начался свирепый, яростный, сильный ливень. Он лил потоками, будто какой-то житель опрокидывал одно за другим ведро с водой со своего балкона, потому что ему не нравилась ночная болтовня у него под окнами.

Танкреди слушал Бена Харпера, когда его застала эта внезапная летняя буря. Он ускорил шаг, но в одно мгновение промок до нитки: вода затекла ему сначала под футболку, затем в шорты, трусы, носки и, наконец, в кроссовки. И он принялся смеяться – всегда такой точный, методичный, почти избавленный от любой непредвиденной ситуации благодаря выстроенному расписанию, он вдруг оказался под проливным дождём. Небо потемнело ещё сильнее, дождь стал идти холодный, а затем и вовсе начался град. То тут, то там падали большие и маленькие кусочки льда, стуча по всему подряд – мусоркам, крышам, машинам. Казалось, будто кто-то сверху решил потренироваться в стрельбе или затеял концерт с быстрой непрекращающейся ударной партией, как на концертах африканской музыки.

Танкреди решил, что нужно где-то укрыться от дождя. Чуть вдали краем глаза он увидел церковь. Перепрыгивая через две ступеньки, он оказался под портиком, который сразу спрятал его от воды. Но ветер продолжал дуть, казалось, он даже стал сильнее. Дождь вместе с градом теперь шел косяхлестом, так что его убежище оказалось бесполезно. Танкреди навалился на огромную деревянную дверь, и она поддалась. Он толкнул её обеими руками и поразился увиденному – церковь внутри была полна света и тепла. Огромное количество свечей всех размеров горели в маленьких и низких канделябрах, а другие, наоборот, были очень хитровыдуманные. И каждый огонёчек раскачивался, склонялся назад и вперёд, следуя за внезапным порывом ветра. Когда Танкреди прикрыл дверь, всё вернулось к спокойствию. Дверь закрылась с гулким низким звуком, а с другой стороны церкви донеслось сразу несколько голосов.

Две скрипки, один альт, флейта и несколько других инструментов. Десять детей заканчивали петь арию, которая и на последних нотах звучала волшебно. Наступила долгая тишина. А затем запела женщина перед хором. На немецком. Рядом с ней уверенно играла пожилая органистка, улыбаясь, будто бы для неё это было самым лёгким на свете. Вблизи дирижёр водила руками по воздуху, указывая для всех нужный темп. Казалось, что пламя свечей двигается ей в такт, а изображения на витражах постоянно меняли цвет, несомненно, из-за того, как двигались по небу тучи. Игра света и тени создавали ещё более магическую атмосферу в этой церкви.

«*Erbarme dich, mein Gott, um meiner Zähren willen!*» Будь милостив, Господь, сжался над моими слезами...

Затем вдруг Танкреди почему-то захотелось обернуться. Он будто что-то почувствовал. Но ничего особенного как будто не произошло. В темноте одного из нефов, там, где полутень была особенно густой, в нескольких метрах от него, сидела она. Танкреди замер с открытым ртом. Её нежный профиль, зелёно-голубые глаза, светлые веснушки, русые волосы, переливающиеся светлыми полосами, – эта женщина, её красота, её приоткрытые губы и идеальные белые зубы. Танкреди зажмурил глаза, потому что не мог поверить в то, что он видит, будто

перед ним было всего лишь видение. Он был поражён: его сердце билось с бешеной скоростью. Эта женщина действительно сидела там, в паре метрах от него, в полутьме церкви. Пламя свечей плясало, и свет падал на неё частями, из которых складывалась целая картинка. Она была высокая, стройная, одета она была в белую рубашку, торчащую из-под голубой куртки, джинсы и кроссовки. Танкреди пытался понять, откуда и кто она. Он взглянул на её руки – они были замёрзшие, уставшие от каких-то дел, и всё же они легко двигались по воздуху. Короткие, практически неуловимые движения каждого отдельного пальца, попадавшие в ритм, танцующие, словно это они играли каждую ноту произведения. Она точно была пианисткой. Танкреди не мог оторвать взгляд от её рук. Он снова посмотрел на её лицо. Она закрыла глаза и медленно покачивала головой то вправо, то влево в такт музыке.

Он вернулся к её рукам, попытался увидеть, есть ли кольцо, но его не было, чему он сперва сильно обрадовался. Но когда пригляделся получше, то увидел, что оно на месте, и расстроился. Затем он подумал, что ничто не бывает навсегда, что, может, она ещё и будет его. Он улыбнулся. Он находился в церкви, а думал о таких вещах. Он продолжил её разглядывать. А что, если они столкнутся взглядами? Что бы он сделал? Улыбнулся? Решительно и уверенно взглянул ей в глаза, чтобы она поняла его желание?

И прямо в этот момент это и произошло. Женщина медленно повернулась и столкнулась взглядом с Танкреди. Она остановилась. Казалось, что в тот момент она проникла в него, в его сердце, нарушив древний закон, закрывший, усыпивший его, бросивший его на дно потайного склепа. Она всего лишь улыбнулась. Это была мягкая, вежливая улыбка женщины, разделяющей с этим мужчиной только одно: любовь к музыке. Танкреди не нашёл, что ответить, он не выдержал её простой вежливой улыбки. Он отвернулся, притворился, что ничего не произошло, и даже в смущении опустил голову, сбитый с толку своей собственной реакцией.

Вдруг музыка замолкла. Танкреди как будто очнулся. Он обернулся. Направо. Налево. Он запаниковал. Её нигде не было. Затем он услышал аплодисменты, смех, он посмотрел в центр церкви. Дети веселились, окружив пожилую преподавательницу, а та женщина присоединилась к ним. Он не мог расслышать их голосов, но понял, что они друг друга знали. Кто-то тянул её за куртку, кто-то смотрел на неё снизу вверх, одна девочка смеялась, а потом фыркнула, привлекая её внимание. Женщина наклонилась к ней и потрепала её по волосам. Девчушка вытянулась, чтобы обнять её, но не дотянулась даже до середины спины. Танкреди улыбнулся. Все её любили. Он хотел бы быть одним из этих детей. И затем он рассмеялся, вообразив, что бы сказали те, кто знал его, услышав эту его мысль. Что ж, по крайней мере, эта женщина подняла ему настроение.

София взяла Симону на руки, эту маленькую разбойницу, которой едва ли исполнилось шесть, но которая зато обладала очень мелодичным, музыкальным голосом.

– Ну что ж, – произнесла София с улыбкой, – ты прекрасно выступила, но как же это так вышло?

– Наша учительница Оля, – и Симона указала кивком на преподавательницу, – она нам объясняет всякие приёмы...

София прижала её к себе:

– Но это же не приёмы. В том, что ты делаешь, нет никакой магии – только твоё мастерство, приверженность, трудолюбие и страсть.

Симона обхватила её руками, уткнув свой нос ей в волосы:

– Ага, но с тобой мне всегда веселее.

София подыграла ей и прошептала на ухо:

– Точно, мы с тобой вечно что-то придумываем.

Она поставила девочку на землю. Симона побежала играть к остальным ребятам.

Оля подошла к Софии:

– Я очень рада, что ты сегодня здесь.

– Да. – Она взглянула на всех этих радостных детей. Они все светились чистотой и искренностью. Пение уже утомило их. Теперь они казались будто взрослыми, которые вежливо обсуждали жизненные обязательства, но только с одним отличием: в их сердцах не было лицемерия. – Они и вправду большие молодцы. Спеть хорал Баха... Да, я просто поражена.

– Ага. Но могло быть и лучше. Всегда можно сделать лучше, как говорил Бах.

София сделала вид, что не услышала. Оля, однако, знала её очень хорошо и решила, что пришла пора надавить на неё сильнее.

– Подумай, от чего ты отказалась. Если ты действительно не хочешь больше играть, ты могла бы стать отличной матерью. Это наполнит тебя.

София не повернулась к ней:

– Оля, музыка была всей моей жизнью. Играть – это то, что я любила, люблю и буду любить вечно, и именно поэтому я решила от этого отречься.

– Даже сейчас, спустя столько времени, крупные музыканты спрашивают меня о тебе, они хотят, чтобы ты играла, давала концерты по всему свету. Они готовы платить огромные суммы.

– Мне не нужны деньги. То, что мне нужно, никто не может мне дать.

– И что тебе нужно, София?

Только сейчас она взглянула преподавательнице в глаза:

– Чудо.

Оля не знала, что ответить. Она смотрела, как в тишине удаляется эта талантливая девушка, вместе с её невероятным дарованием, которое могло бы отправить её на самые вершины. Но вместо этого она заперла его внутри. Оля вздохнула...

– Давайте, ребята, попробуем ещё раз. Открывайте двенадцатую страницу, я хочу, чтобы в воскресенье на службе у всех челюсть отпала оттого, как вы поёте «Ich will hier bei dir stehen».

На улице дождь только закончил лить. София остановилась на ступенях церкви и глубоко вздохнула. Она закрыла глаза, опьянённая запахом влажной травы, земли, жизни. Да, жизнь. А что стало с её жизнью? Её энтузиазм, музыка её сердца? Когда она открыла глаза, он стоял в нескольких шагах от неё. Она заметила этого человека ещё в церкви и удивилась, что какой-то незнакомец пришёл послушать хор, но сразу же забыла о нём. Ей показалось, что он один из тех туристов, которые выходят на пробежку по Авентину и при первой возможности заходят в какую-нибудь церковь. Он был очень красив и улыбался ей. На секунду ей показалось, что они знакомы. Но, покопавшись ещё в памяти, она поняла, что видит его впервые в жизни. Вполне возможно, что он иностранец. У него были тёмно-синие глубокие глаза, немного холодные. По одежде ничего нельзя было сказать, потому что он был в футболке и спортивных штанах.

Пока он ждал снаружи, Танкреди представлял их встречу. Как начать разговор с такой девушкой, как она? Он совсем ничего о ней не знал: не знал её происхождения, школы, в которую она ходила, была ли она из Рима, из какого района, где работала. Он только знал, что она, должно быть, умеет играть на фортепиано. Да, она пианистка, или дирижёр оркестра, или, возможно, скрипачка. Но он ничего не понимал в музыке.

Они молча стояли на лестнице возле церкви, пока над ними рассеивались облака. Невдалеке над лугом между травой и небом показалась радуга, ознаменовавшая окончание дождя. Танкреди огляделся, всё светилось каким-то особенным сиянием, а они двое застыли на лестнице. Начинало становиться неловко.

– Мы как будто с картины Магритта. Ты знаешь Магритта?

«Он итальянец, – подумала София, – и наглец».

Танкреди улыбнулся. София уставилась на него. У него было поджарое, хорошо очерченное телосложение. Он был высокий и мускулистый, но пропорциональный. Он мог быть кем угодно, даже опасным типом. Его улыбка, однако, уверяла или скорее намекала на то, что в нём было что-то особенное, что-то, от чего он страдал. Она покачала про себя головой. Пересмотр-

рела фильмов. Это был просто незнакомец, который хотел завязать разговор. Или ещё хуже, какой-нибудь нищий, который хотел украсть её сумку, воспользовавшись своим обаянием. Но невольно он захватил её внимание.

– Да, я знаю, кто такой Магритт. Но что-то не могу вспомнить ни одной его картины, где двое персонажей теряют время.

Танкреди улыбнулся:

– Помнишь ту картину, где нарисована трубка? Её большинство людей знают. А внизу подписано: «Ceci n'est pas une pipe...»

– Что значит «Это не трубка». Я говорю по-французски.

– Я даже не сомневался, – улыбнулся он снова. – Ты же не дала мне закончить. Эта картина означает, что всё, что существует, на самом деле не существует. Трубка – это нечто большее, это не просто трубка, это её изображение, это мужчина или женщина, которые её курили, или же это просто знаменитая картина. Как и мы... – София изо всех сил пыталась понять, что он имеет в виду, но её отвлекала его красивая улыбка. – То есть мы не просто персонажи, которые теряют время. Если бы нас рисовал Магритт, мы, возможно, были бы совсем другими. Оказались бы на его картине в каком-нибудь параллельном измерении... Мы могли бы быть двумя влюблёнными из прошлого при дворе короля или прогуливающимися по Парижу, Нью-Йорку или по лондонским паркам; могли бы играть в огромном театре, быть одетыми в непонятные костюмы. Почему ты увидела в нас лишь трату времени?

Почти опьянённая звуком этих слов, София позволила увлечь себя картинами, которые описывал Танкреди. Они две модели Магритта... Этот человек продолжал улыбаться и говорить, а она почти не слушала, утопая в его глазах, в его забавной уверенности, что всё это возможно.

– Или, может, ты пианистка, играешь в концертном зале Парижа, а я рядом за твоим роялем, перелистываю страницы.

Последний образ, словно толчок, вернул её к реальности и к невозможности всех этих фантазий.

– У меня для тебя плохие новости, – Танкреди замер в удивлении, на его губах застыла очередная идея. – Магритт умер много лет назад.

София обошла его и начала спускаться по ступеням церкви.

Танкреди тут же последовал за ней:

– Ты заставляешь меня волноваться. Да, я знаю... Но почему ты убегаешь? погоди...

Он остановил её, прежде чем она спустилась. София посмотрела на его руку, схватившую её, но она не испугалась, а скорее наоборот. Она ощутила какой-то трепет, абсурдное чувство. Она была словно одним целым с этим незнакомцем. Ей было стыдно за своё желание, которое переполнило её внезапно в ту секунду. Её сердце сильно забилося. «Что я делаю? Что на меня нашло? Я сошла с ума? Да. Разрушить всю свою жизнь, занявшись с ним любовью вот так, на этих ступенях, позволяя взять себя на пыльных, сырых камнях». Она не могла поверить в то, что происходит в её голове. Её дыхание сбилось, стало дышать труднее. Она посмотрела на него. Но Танкреди ничего этого не понял.

– Прости... Я просто не хотел, чтобы ты ушла. – Он отпустил её руку. – Ты не веришь, что случайности не случайны? Сегодня у меня был самый обычный день, я вышел на пробежку, как вдруг начался ливень, какого уже давно не было, и я спрятался в церкви... Ты знаешь, сколько я уже не был в церкви? – Танкреди вспомнил Клодин, но только на мгновение. – Уже лет двадцать... Я должен был встретить тебя, чтобы снова поверить.

София улыбнулась:

– Не смей меня. С таким не шутят.

– Нет, это правда, я увидел, ты мне улыбнулась...

– Что ж, значит, я тоже ошиблась.

Танкреди остановился и глубоко вздохнул:

– Ты права. Давай начнём с начала. Тебе не кажется, что это знак свыше? Что-то навевает мне мысли о том, что наши жизни идут не так, как нужно, и нам нужно начать всё с начала, с сегодняшнего дня...

София молчала. Танкреди думал о том, что она не ушла, а стоит и слушает, – это уже небольшой успех. Он не должен терять время, ему нужно снова завлечь её.

– Давай воспользуемся этой возможностью, узнаем друг друга получше, выпьем кофе, сходим в бар... – Он указал на маленький бар недалеко от них. – Проведём немного времени вместе... – Он видел, что она сомневается. – Один час. Всего лишь час, а затем поймём, имеет ли всё это смысл и стоит ли оно того, и, может, наши дороги разойдутся. Но что, если нет? Что, если всё получится? Может... Кто знает, что всё это значит... А иначе будем задаваться этим вопросом всю свою жизнь, так и останемся с нерешённым сомнением...

София на минуту задумалась. Новая жизнь... Она вспомнила свои вчерашние мысли перед зеркалом на кухне, вспомнила свою усталость, убегающее время, весь мир в движении и свою обездвиженную жизнь. И потом она вспомнила свой обет. А кто был этот человек перед ней? Этот парень. Да, он красавец... И что? Ему нужно приключение, внезапный секс, может, он украдёт её сумку, как только она отвернётся, может, ему нужны её деньги. Да, говорит он складно, но слов не всегда хватает. Жизнь – это другое. Здесь нужны факты. Жизнь нужно выстраивать. Возможно, когда-то она была поверхностной, капризной, такой же, как и все, но, к лучшему или худшему, её жизнь изменилась. Теперь София чувствовала себя важной и нужной для Андреа, чтобы ему стало лучше, чтобы он выздоровел.

Она получше рассмотрела этого парня перед ней. Его глубокие синие глаза, полные надежды, ждали её ответа. То, что он сказал ей, могло стать поворотным моментом в её жизни. София молчала и невольно закусила губу. Он был прекрасен, и его уверенная улыбка очень ей нравилась, он привлекал её и пугал, будто рискованная авантюра. Затем вдруг она поняла... Этот человек был испытанием. Он был похож на её постоянное желание сесть за пианино и начать играть.

Она глубоко вздохнула, вновь обретя силу и равновесие:

– Мне жаль. Нам придётся жить с этим сомнением.

София продолжила идти, спускаясь по последним ступеням, и зашагала в сторону машины. Танкреди продолжил следовать за ней, терпя поражение. В отчаянии он искал, как ещё её можно остановить, завоевать, привлечь её внимание... Но ему ничего не приходило в голову, он ничего не знал об этой женщине, кроме того, что она была великолепна, что она его околдовала, что никогда в жизни ещё он не чувствовал себя таким увлечённым, таким чертовски захваченным, так отчаянно завоёванным.

И он попробовал сделать последний ход:

– Я не верю, что тебе совсем не любопытно, что ты не хочешь дать шанс...

– Кому?

– Нам.

София улыбнулась:

– Нам? Но мы ничто.

– Неправда. – Танкреди говорил серьёзно. – Каждый раз, как ты встречаешь кого-то, твоя жизнь меняется. Хочешь ты того или нет, но мы уже встретились. Я вошёл в твою жизнь, а ты в мою, как та музыка в церкви и твои руки, играющие в тени, пока ты сидела, закрыв глаза...

Софию поразило, что он всё это видел.

Танкреди продолжил:

– Кто это был? Шуберт, Моцарт...

– Бах, «Страсти по Матфею».

– Вот, прекрасно, произведение, которое я никогда не слышал, которое я не знаю. Всё это кажется мне знаком свыше... – София подошла к машине. Танкреди встал перед ней: – Ты мне не веришь? Скажешь что-нибудь или нет?

– Да, – София села за руль, – что тебе стоит узнать побольше композиторов.

Она завела машину и уехала.

Танкреди остался один посреди улицы и крикнул ей вслед:

– Я согласен с тобой! Я узнаю!

София посмотрела на него в зеркало заднего вида и улыбнулась: «Ага, только больше у меня не будет возможности задать тебе вопросы на знание истории музыки». Она даже не представляла, как сильно она ошибалась.

Танкреди проследил, как машина повернула в конце улицы. Он начал рыться в карманах штанов. Ничего. У него ничего с собой не было. Для Грегорио Савини это будет плёвое дело. Нужно только не забыть номер её машины.

Глава двенадцатая

Как только Андреа услышал, что дверь открывается, он быстро дописал предложение и закрыл файл. Он был доволен, у него выходила отличная работа. София потеряет дар речи.

– Привет, – сказала она и улыбнулась.

Андреа поставил ноутбук на тумбочку рядом:

– Привет, дорогая. Я очень по тебе скучал.

София подняла плечи и прошла в ванную:

– Ты всегда это говоришь... Уже верится с трудом.

– Но это правда.

Она начала мыть руки и стала говорить громче, чтобы её было слышно:

– Но ты и вчера по мне безумно скучал... А когда сильнее, вчера или сегодня?

– С каждым разом всё сильнее... Как будто маленький шарик снега катится и превращается в лавину.

София вышла из ванной:

– В смысле?

– Чем ты дальше, тем сильнее я скучаю.

– Мм... мягко стелешь.

– Но это правда! – Он решил, что шутка уже слишком долго продолжается. – Что делала сегодня?

– Я ходила послушать Олю и её хор в церковь на Авентине.

– И как?

– Очень красиво. У них выходит всё лучше, и там была малышка Симона, которая сюда приходила ко мне на урок, помнишь её? Она большой молодец.

Андреа хотел было опять начать разговор о фортепиано. Но вспомнил, насколько ей не хочется думать об этом.

– Что они пели?

– Баха, они репетируют хоралы из «Страстей».

– Ничего себе. «Страсти по Матфею»!

– Вижу, ты их помнишь.

– Да. Они такие... опьяняющие. Вот, я даже не могу подобрать слово. Как прекрасное белое вино... Да, опьяняющие.

– Будешь вино?

София вышла на кухню. Чуть позже она вернулась с двумя бокалами, наполненными прекрасным совиньоном. Один она передала Андреа, затем отошла, повернула выключатель и приглушила свет.

Андреа с удивлением смотрел на неё. Она повернулась и подняла бокал. Андреа поднял свой. Они чокнулись ими, и на мгновение повисла тишина, пока София пыталась придумать причину всему этому, но потом быстро нашлась:

– За это мгновение, как ты говоришь, опьяняющее... – Она сделала большой глоток.

Вино было прохладным и приятно разливалось по телу. София закрыла глаза. На мгновение она вспомнила прикосновение того мужчины к её руке, его проникновенный взгляд, его улыбку. Но она не помнила ни единой его фразы, ни единого слова. Только своё желание, возникшее на той лестнице. Она открыла глаза и взглянула на Андреа. Он пил своё вино маленькими глоточками, как маленький ребёнок. София допила и налила себе ещё. Сделав очередной

глоток, она поставила стакан на тумбочку и начала раздеваться. Сначала она сняла куртку и рубашку, затем туфли и брюки. Она взяла стул и поставила его рядом с кроватью.

Андреа смотрел на неё, сжимая бокал в руках возле рта. Он улыбнулся. Его голос был ниже, чем обычно:

– Опьяняющий... Тебе понравилось это слово?

– Да...

София гладила свои ноги. Медленно она поднималась всё выше, к бёдрам. Сначала правой, а затем обеими руками она провела по внутренней стороне бёдер и слегка приоткрыла их, смотря Андреа прямо в глаза. Андреа увидел её красивые чёрные кружевные трусики. София сладостно касалась их, прикрывала глаза и глубоко дышала. Она сделала ещё глоток. Поставив бокал на место, она проскользнула рукой под одеяло. Она решительно смотрела на Андреа, державшего свой бокал. Она протянула руку дальше, поднялась по его ноге и запустила руку под пиджаму.

Он глубоко вздохнул:

– Ах...

Авария не лишила его чувствительности и возможности получать удовольствие. София гладила его, медленно двигала рукой то вверх, то вниз под одеялом. Другой рукой она отодвинула трусики и начала гладить себя. Она ублажала сразу двоих.

Затем она остановилась на секунду. Налила себе ещё вина, сделала большой глоток и задержала его во рту. Она шаловливо, нескромно, игриво посмотрела на Андреа и нырнула под одеяло. В темноте, среди простыней и покрывал, она медленно двигалась, пока не нашла его и не взяла в рот, пролив несколько капель вина. По Андреа пробежала дрожь удовольствия, сначала неожиданно холодная из-за вина, а затем тёплая от её рта. Он очень возбудился от её необычного поведения и наслаждался по полной.

А она под одеялом вдруг почувствовала себя такой дерзкой, как никогда раньше. Она думала о нём. О том незнакомце, о его изящных руках, мускулистом, сильном теле, о его улыбке, о его глазах. В темноте она представляла, что стоит возле фасада церкви, на лестнице, и делает это прямо там, на глазах у всех, пока люди проходят мимо, в том числе и её преподавательница Оля. Левой рукой она продолжала гладить себя, а затем медленно сняла трусики. Она залезла под одеяло, спустила пиджаму с Андреа и села на него сверху. Он с лёгкостью вошёл в неё – она была мокрая, сильно возбуждённая. Она продолжала двигаться на нём с закрытыми глазами, с жадностью двигаясь вперёд, всё сильнее и сильнее, будто в первый раз в жизни. Она словно занималась сексом сразу с ними двумя, и в эту же секунду она кончила. Она упала вперёд на Андреа, вспотевшая, вымотанная, всё ещё не открывая глаз. Она сняла бюстгалтер, практически сорвав его, швырнула на пол, поднесла грудь к губам Андреа, который начал ласкать её языком. Она продолжала постепенно наращивать темп, ублажая его внизу, пока не кончил и он. Некоторое время они продолжали молчать, словно выброшенные на берег рядом друг с другом, неспособные восстановить дыхание, запыхавшиеся.

Затем София быстро чмокнула его в губы:

– Я пошла в душ... Тебе что-нибудь нужно?

Это был риторический вопрос.

– Нет, – сказал Андреа.

Она уже включила душ. Чуть позже она появилась, уже расслабленная, чуть румяная от пара, укутанная в свой большой белый халат.

Андреа подложил себе под плечи подушку и нажал на кнопку, чтобы приподняться. Он улыбнулся ей:

- Так что?
- Что? – Она села на кровать.
- Нет, просто... Тебе надо почаще слушать Баха.
- София рассмеялась, откидывая волосы назад:
- Нет... Всё дело в слове «опьяняющий».

И они оба принялись смеяться, всё ещё переполненные наслаждением. София плеснула ему ещё вина, а затем наполнила свой бокал. Они болтали то об одном, то о другом, слушали музыку. София включила диск Леонарда Коэна, а через мгновение, пока Андреа рассказывал о своей работе, о полученных письмах, о том, что его проект понравился и его начали разрабатывать, она перестала слушать его слова и погрузилась в воспоминания.

Греция, Тинос, неизвестный остров. Они вместе с друзьями приехали туда сразу после летней сессии в университете. Тем вечером они все вместе поужинали в одном местечке в порту – сувлаки, мусака и дзадзики... ей всё очень понравилось. Ребята уже выпили как минимум по два стакана пива. А затем они пошли прогуляться и очутились в баре недалеко от пляжа.

Когда они вошли, первым, кто его заметил, был Андреа:

– Ну же, Софи, деваться некуда! Это судьба! Мне кажется, вчера его ещё тут не было...

В углу бара стояло небольшое пианино. На нём были какие-то надписи, словно воспоминания о мимолётных летних романах, а само оно было сделано из чёрного дерева. Все друзья начали подталкивать её, но так громко и с таким энтузиазмом, что в баре сразу все – и англичане, и американцы, и немцы, и даже пара из Японии – присоединились к ним, не понимая даже, о чём речь. Они начали жать итальянцам руки, готовые с радостью принять любое развлечение, которое те были готовы предложить.

София сразу поняла, что тянуть резину не имеет смысла, фыркнула и надулась на Андреа:

– Чёрт бы тебя побрал! Даже на каникулах! Я же не заставляю тебя рисовать карту всего острова, блин!..

Она вытащила табуретку из-под стола и уселась за пианино. Она подняла крышку и удивилась надписи на английском: «Life is music». Она встряхнула головой, принимая это приглашение, и начала играть. Поскольку они оказались в пабе, где публика была намешана из разных стран, она сразу отбросила классическую музыку и выбрала джазовое произведение. По памяти она начала играть произведения St. Germain, пытаясь импровизировать сразу во всех жанрах, создавая попури из немцев, испанцев, американцев и немножко японцев. На ходу она схватила бейсболку у какого-то проходившего мимо мальчика. Ей даже принесли пиво, а она пыталась хоть как-то преодолеть эмоции, застенчивость и стыд от такого выступления на этом пианино, у которого то и дело проскакивала фальшивая нота. В заключение, чтобы добавить немного достоинства своему жалкому выступлению, она решила поддаться и исполнить произведение Тони Скотта. Она считала его величайшим итало-американским джазистом, которого страна его происхождения игнорирует по глупости. Кто знает, вдруг кто-то из присутствующих оценил бы её столь изысканный выбор.

Она сыграла всего по чуть-чуть и закончила свой шуточный концерт «Музыкой для дзен-медитации». Раздался шквал аплодисментов. Все по очереди подходили к пианистке, дружески похлопывая её по спине в знак признания. Кто-то предложил ей ещё пива. Когда София попыталась вернуть бейсболку мальчику, он начал быстро махать руками и трясти головой: «No, no... It's yours, it's yours». И, улыбаясь, пожал ей руку.

В конце концов София толкнула Андреа:

– Вот видишь, что ты наделал?

– Ты была великолепна. Я уже поговорил с владельцем бара. Если будешь давать по два концерта каждый вечер, то тогда у нас окупится отпуск!

– Дурак!

Развеселившийся Андреа обнял её. Он был так удивлён тому, что София, привыкшая давать концерты по всей Европе, играющая вместе с Шайи, могла стесняться, играя перед какими-то полупьяными туристами в крошечном греческом баре. Но такова она была. Её внезапные вспышки гнева и её капризный характер: то она была нежной и милой куколкой, то вдруг женщиной, страстной и дикой. И её шаловливый и слегка пьяный вид заставил Андреа подумать, что сейчас как раз был период, когда в ней проснулась страстная женщина. Они незаметно ото всех выскользнули из бара, пока все фальшиво горланили что-то под музыку, которую она только что для них сыграла, запивая всё это пивом из почти пустых пинт в атмосфере полной эйфории.

Андреа и София оказались на пляже недалеко от порта. София сняла туфли и шла, наступая на маленькие медленные волны, которые море накатывало на берег, разбрасывая светящийся и тут же угасающий планктон.

Она наклонилась и набрала немного воды в пригоршню:

– Смотри...

Странные крошечные светящиеся создания оказались в её маленьком водоёме. София бросила их обратно в море. Чуть позже они оказались на полоске пляжа, лежащего под скалами. Луч маяка проскользнул прямо по их головам, освещая весь остальной пляж. Андреа приподнял её платье, снял трусики, расстегнул свои штаны и тут же вошёл в неё. Они медленно занимались любовью, их рты наполнялись солоноватым воздухом, кожа казалась мягкой и тёплой. Ночь окутывала их, они никуда не торопились. Они только желали любить друг друга, и всё у них было впереди...

Всё было впереди...

София поднялась и пошла на кухню:

– Я хочу приготовить салат. А ещё я взяла немного тунца, чтобы пожарить на гриле, ты будешь?

Андреа немного расстроился. Он рассказывал кое о чем, но он решил не заострять на этом внимания:

– Да, конечно... Только не сильно зажаренного!

София вошла на кухню, открыла холодильник, отыскала салат и тунца и вытащила их. Она включила плиту и поставила на неё сковородку-гриль. Всё было впереди...

Тем вечером, после того как они занялись любовью, они разделись и прыгнули в воду, а затем бегали друг за другом, потому что София, выйдя из воды первой, украла его одежду:

– Вот тебе за то, что заставил меня играть! Будешь знать! Домой пойдёшь голый как червяк!

Но Андреа догнал её, поднял в воздух и опрокинул прямо на песок. Голую и всё ещё мокрую. Привыкнув играть в регби и приложив к ней такую же силу, он с лёгкостью проделал это.

– Ай, мне больно!

– Недорогая...

– Сам ты дорогая! Я же тебе не регбист!

И вечер кончился их спором. На следующий день у него на лице красовался след от укуса, а у неё был синяк на левом бедре. Но вскоре, будучи заложниками этого прекрасного острова, они помирились самым лучшим из способов.

Теперь та жизнь была далеко. Тунец уже прожарился с одной стороны. София взяла вилку и быстро перевернула его на сковородке. Она вздохнула. Как будто бы тех двоих никогда не существовало. Среди дыма и запаха жареного мяса она почувствовала себя разбитой.

Прошёл уже час с тех пор, как приехала «скорая помощь». Последняя медсестра, которая вышла из операционной, сказала, что ничего не знает. Может, она просто не могла ничего сказать. Софии хотелось биться головой об стену, а ещё лучше – бить стекло голыми руками. Ей не хватало воздуха, она сходила с ума. Она начала ходить взад и вперёд по коридору, открыла одну дверь, затем другую. Она продолжала бежать из одного коридора в следующий. Когда она доходила до последнего, ведущего во двор, то разворачивалась и шла обратно.

Прошёл ещё час. Светало. Вдруг, открыв дверь в очередной коридор, она очутилась перед входом в часовню при больнице. Она медленно вошла, ступая на цыпочках. В первом ряду сидела пожилая монахиня, согнувшаяся чуть ли не пополам. Она молилась в тишине, возможно, возносила Господу свою просьбу, а может, на автомате повторяла «Аве Мария» или «Отче наш». Для Софии же это всё было вновь. Со временем она отделилась от церкви без особой на то причины. Так случилось. Раз, и всё, как бывает – окончили школу и больше не друзья.

Первые лучи дня расцветали на больших витражах церкви. Белые стены капеллы разукрасились в фиолетовый, голубой и лазурный. С этим рассветом София поняла, что ей снова нужен кто-то, хотя бы Господь, кто был бы рядом, кто услышал бы её молитвы. Она встала на колени в последнем ряду, закрыла лицо руками и начала молиться. Она начала издали, словно продолжила разговор, начатый много лет назад, оправдывая свой уход, прося прощения: «Прости меня, что я так внезапно исчезла без какой-либо причины, что не предупредила тебя». И ей показалось, что она услышала ответ. Её тихий монолог превращался в диалог, словно какой-то великодушный и добрый человек всё понял, проникся всем, что она говорит, и в каком-то смысле оправдал её. «Теперь я знаю, что возвратиться сюда только из-за того, что произошло, это трусость...» София подняла лицо и взглянула вперёд, поверх алтаря, на изображённого Христа. Казалось, он смотрит на неё. «Но я прошу Тебя, помоги мне, я не знаю, к кому ещё обратиться. В это мгновение миллионы людей молятся Тебе, прося о своих заботах, но я прошу Тебя, обрати внимание на меня и Андреа. Я готова на всё. Я отрекись от всего, если Ты так скажешь, если он выживет».

И вдруг заиграла медленная музыка, несколько нот «Аве Марии». Она продолжала играть, тихо, едва различимо, но для Софии это был тот самый знак свыше. Тогда она закрыла глаза и хотела заплакать, но поняла, что только предложение должно идти с её стороны. «Да. Я перестану играть, если он выживет». Она не знала, что ещё добавить. Ей казалось это огромным отречением. Вдруг став какой-то спокойной, она встала с колен. Пожилой монахини больше не было, и музыка прекратилась.

Она пошла назад по всем коридорам, пока не очутилась перед операционной. Она села на сиденье и стала ждать. В шесть пятнадцать хирург, оперировавший Андреа, вышел из палаты, опустил маску и направился прямо к ней. Наверное, он предполагал, что возле операционной его будет ждать девушка. Он шагал медленно, был очень уставшим и вымотанным, а его взгляд не предвещал ничего хорошего. София увидела его, его лицо, и ей показалось, что она умирает.

Только когда он подошёл ближе, то улыбнулся ей:

– Он выкарабкается. Нужно время, но он поправится.

Тогда София согнулась и заплакала. Крупные слёзы катились по её лицу, измученному усталостью, напряжением, чувством вины. Она уже видела, как кончилась её жизнь вместе с жизнью Андреа. Хирург обнял её. Она вышла из больницы и шла по рассветной улице, ни разу не усомнившись, что её слышали. С тех пор она больше не играла.

Только в следующие дни она поняла, каким длинным и сложным будет этот путь. Андреа парализовало. Он больше не мог ходить. У него случился перелом нижних позвонков, затронувший костный мозг, из-за чего отнялись ноги. Она вспоминала лик Христа, нарисованного в маленькой больничной часовне. Она задавалась вопросом, было ли достаточно того, что она отказалась от фортепиано, слышал ли Он когда-нибудь, как она играет, знал ли Он, от какой страсти, от какой невероятной любви она отказалась, чтобы спасти Андреа.

– Э, ну я же просил не сильно прожаренную! Из кухни валит дым!

Голос Андреа вернул её в настоящее. Восемь лет спустя после того вечера. Немного изменилось.

– Ты прав, дорогой! Прости! Я мыла салат и не заметила! Убираю с огня!

Чуть позже она села возле кровати, приготовила поднос с едой, поставила пластинку, подходящую к тому вечеру, – спокойные произведения Дайаны Кролл. София любила такую музыку, а Кролл была одним из её самых любимых авторов. Они ели друг напротив друга.

Андреа был в хорошем настроении и принялся шутить про тунца:

– Прожарить больше просто невозможно...

– Да, ты прав, прости. Я же сказала, что задумалась.

– Наверное, в твоей голове вновь раздалось... – Андреа с намёком поднял брови, – слово «опьяняющий»?

София прыснула:

– Нет, дурак!

Андреа вытер рот, положил салфетку на кровать рядом с собой и посмотрел ей в глаза:

– Мне кажется, что ты мне чего-то недоговариваешь.

– Почему? – София тоже вытерла рот салфеткой, но на самом деле она попыталась спрятать лицо. Она покраснела. Она знала, к чему клонит Андреа.

Он был серьёзен:

– Ни разу после аварии ты не была настолько страстной.

– Неправда.

– Правда. – Андреа опустил на подушку позади себя, – Ты кого-то встретила сегодня.

Она рассмеялась. Она всеми способами пыталась его убедить:

– Я уверяю тебя, что нет. Я встретила с кучкой детей и с Олей. Если ты думаешь, что это они, как ты говоришь, меня опьянили, то, похоже, я извращенка...

София подумала, что она ещё может спасти ситуацию. Надо было просто сказать «нет».

Она вновь посмотрела ему в глаза, на этот раз серьёзно:

– Андреа, я тебя уверяю, нет, я никого не встретила.

В общем-то её поведение было довольно убедительным. Андреа глубоко вздохнул, взял салфетку и продолжил есть салат.

– Ты была такой странной. Как будто это была вовсе не ты.

София почувствовала себя увереннее и решила пошутить:

– Теперь я ревную. Эта девушка тебе больше понравилась?

– Нет, – Андреа смотрел на неё, – но я испугался. Ты как будто бы гналась за жизнью, как будто бы хотела быть далеко отсюда.

София отложила приборы:

– Андреа... Я просто хотела заняться с тобой любовью. – Она вздохнула. – Ни о чём другом не могла думать. Это плохо?

– Прости. Просто я привязан к этой кровати, не знаю ничего дальше этой двери, я не знаю, куда ты ходишь, с кем видишься.

– У тебя те же тревоги, что и у тысячи других мужчин, которые, несмотря на то что не попадали в аварию, имеют рядом с собой прекрасную и желанную женщину... – София встала и начала собирать тарелки. – Не тормози!

Андреа остановил её, взяв за руку:

– Ты права. Прости.

– Ничего. В следующий раз сбавлю порыв.

И она ушла на кухню.

– Да не-ет, не надо... Я же пошутил...

София сложила тарелки в раковину, открыла воду, подождала, когда та нагреется, и начала мыть посуду. На мгновение она вспомнила эту руку, схватившую её прямо на лестнице у церкви. «Почему ты убегаешь? погоди...» Этот мужчина. Он остановил её, улыбнулся ей. Она до сих пор чувствовала его прикосновение. Сегодня она занималась с ним сексом, она желала его прикосновений, трогала его, взяла его в рот, она была сверху и кончила вместе с тем мужчиной. Вода стала слишком горячей, и она открыла чуть побольше холодной. Впервые в жизни она изменила Андреа, даже если это произошло только в её мыслях. И впервые за десять лет она солгала ему. Что-то в этот момент сломалось.

Глава тринадцатая

– Нет. Надо покупать.

Танкреди положил трубку. Он был уверен в тех указаниях, которые он дал. Рынок падал, и было необходимо продолжать покупать. Через год или два все ценные бумаги, на которые он поставил больше всего, вырастут. Все его инвестиции дали чистый прирост на двадцать пять процентов за последний год, так что он реинвестировал их в крупные компании в трудном положении, купив контрольный пакет акций. Он импортировал все виды товаров из Южной Америки: кофе, фрукты и даже дерево, бумагу и уголь. Он вложил деньги в рудники и обширные земли для возделывания. Во главе всего этого сектора он поставил очень молодого финансового аналитика, брокера чуть моложе сорока лет, в также консультанта по вопросам торговой деятельности. Он создал для каждого сектора то, что он называл «волшебным трио», которое состояло из специалиста в данной области, многообещающего инвестора и человека, который был способен управляться с финансами. Его секрет заключался в том, чтобы всегда заканчивать с дополнительным выигрышем для себя. С того дня, как он принял эту стратегию, его активы росли в геометрической прогрессии.

Прошло двенадцать лет с тех пор, как он получил огромное наследство своего дедушки, и с того времени ничем другим, кроме продаж и покупок, монетизации и реинвестиций, он не занимался. Каждый год он избавлялся от непродуктивных компаний и покупал новые.

Он следил за тенденциями всех рынков, очень интересовался современной экономикой и уже вложил средства в новые рынки Китая и Индии в конце девяностых. Он сразу же стал поклонником социальных сетей и всех других новшеств, приносящих деньги, несмотря на то что эти новшества виртуальные. В этой области он увеличил количество сотрудников вдвое: их стало шесть. По два специалиста из каждого сектора, которые к тому моменту уже хорошо проявили себя. Таким образом, они принесли ему сумму, равную одной тысяче пятистам миллионам долларов, а вложенные активы продолжали приносить прибыль.

Танкреди откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно. С вершины его виллы в Лиссабоне, в самой зеленой и богатой части города, был виден океан. Какой-то парусник расправился под ветром и на огромной скорости пересекал этот участок моря. Дальше, на линии горизонта, виднелись нефтяные танкеры. Они казались просто неподвижными точками. Он с любопытством задумался, были ли среди них и его судна.

Лучше всего на свете у него получалось зарабатывать деньги. Это ему казалось это самым простым и элементарным. Получая необходимые данные от своих сотрудников, он сразу же понимал благодаря своей безупречной интуиции, какой ход окажется выигрышным. И каждый раз у него всё выходило как надо. Он потерял счёт тому, чем он владел: своим предприятиям, автомобилям, самолётам, лодкам, недвижимости. Он знал только, что у него уже есть остров, и не хотел покупать другой, опасаясь запутаться окончательно. Эта земля посреди моря была его портом, его уголком спокойствия. Только там он чувствовал себя до странности безмятежно. Как будто с прибытием все его заботы куда-то исчезали. Может быть, именно поэтому он посещал этот остров реже всего? Задумавшись, он вспомнил тот день. День Клодин. Когда умер их дед и они открыли завешание, они увидели, что трое внуков получили по сто миллионов евро каждый, а часть, которая доставалась ей, была разделена между ним и его братом Джанфилиппо. Он счёл это несправедливым: эти сто миллионов евро принадлежали Клодин и они должны были быть чем-то важным, значительным. Они должны были каким-то образом стать памятью о его сестре. На них можно было открыть фонд или что-нибудь ещё. Что-нибудь, что всегда напоминало бы о ней.

Джанфилиппо был не согласен:

– Дедушка решил так. Он захотел разделить её часть между нами. Каждый почитит память Клодин так, как сочтёт нужным. Уже всё решено.

В завещании проблема была решена именно так. Джанфилиппо перечислил пятьдесят миллионов евро на свой счет. Что он с ними сделал – неизвестно. Может быть, вложил во что-то особенное. Грегорио Савини хватило бы одного телефонного звонка, чтобы получить эту информацию, но Танкреди ему запретил. Он ничего не хотел знать.

Танкреди вложил пятьдесят миллионов евро Клодин в фонд, отдельный от всех его счетов, чтобы впоследствии решить, что ему с ними сделать. А пока ему было чем заняться.

Он посмотрел на часы: совсем скоро он всё узнает о ней. Ему хотелось смеяться. Она... Он даже не знал её имени. Ему было очень любопытно, но в то же время немного беспокойно на душе. Та страстная женщина в церкви, игравшая по несуществующим клавишам, с закрытыми глазами, ведомая музыкой, предвосхищавшая её. Эта прекрасная женщина. И та женщина на лестнице – остроумная, неуловимая, своенравная, с невероятной улыбкой. Она пробудила вновь его волю к жизни и любви. Что, если эта женщина на самом деле совершенно иная? Образ рисует нам прекрасные картины, заставляет нас думать, что с его помощью все мечты осуществляются. Но реальность – совсем другое дело. Жизнь – это череда неисполненных мечт, это падающая звезда, которая исполняет чужое желание.

Он улыбнулся этой пессимистичной мысли, и уже был готов остановить поиски информации о ней. Но он не успел даже взглянуть на часы. Было слишком поздно. В дверь постучали.

– Входите.

Вошёл Грегорио Савини и закрыл за собой дверь. Он остановился.

Танкреди снова сел в кресло:

– Присаживайся, Грегорио.

– Спасибо.

Он занял место напротив него, держа в руках папку со стопкой бумаг внутри:

– Оставить это здесь?

Танкреди повернулся к окну и посмотрел на океан. Парусник исчез, а танкеры отплыли ещё дальше.

– Нет. Прочитай мне его.

Он закрыл глаза, пытаясь подготовиться к тому, что сейчас услышит. Он не знал, чего ожидать, и даже не знал, что бы ему хотелось услышать.

Грегорио открыл папку и быстро пробежал глазами по записям:

– Итак, ей чуть больше тридцати, она замужем, детей нет. Она живёт в доме, который ей оставили бабушка с дедушкой, перебивается случайными заработками, живёт не бедно, но и не богато. Позволить себе что-то сверх её бюджета не может... – Грегорио посмотрел на Танкреди, но тот сидел к нему спиной, так что нельзя было понять, что он чувствует, поэтому он продолжил читать: – Она училась в лицее на отлично, были какие-то отношения с одноклассниками – типичные истории любой девочки в этом возрасте. Она живет с мужем в районе Сан-Джованни...

Танкреди, с закрытыми глазами, молча слушал описание жизни этой девушки. Всё казалось ему нормальным, даже слишком, как будто это не имело ничего общего с тем образом, который он построил в своей голове, и с тем сильным чувством, которое он в нём зародил. На этих страницах жила обыкновенная женщина, без каких-либо деталей. Никакой страсти – одна плоская жизнь, не черная и не белая, лишённая света.

– А... вот... – Грегорио как будто прочёл его мысли. Что не удивительно, они знали друг друга уже тридцать лет. – Вот кое-что интересное. – Он не знал, понравится ли Танкреди то, что он сейчас прочитает. – Уже несколько недель она изменяет своему мужу.

Танкреди открыл глаза и замер. Он смотрел на синеву моря перед собой. Людовика Биамонти проделала великолепную работу. Это окно на океан было настоящим произведением искусства. Она выкрасила стены комнаты в светлый индиго, в то время как рама окна была белого цвета, так что окно было похоже на картину и в то же время давало прекрасный обзор. Море было чистым. Ничто его не закрывало, даже танкеры исчезли, остался только его синий цвет. Пейзаж действительно выглядел словно нарисованный, насколько был глубок этот цвет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.